

Сортировка

Юрий Ра

Юрий Ра

Сортировка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69015484

SelfPub; 2023

Аннотация

Середина 80-х, Московская железная дорога. Попаданец в железнодорожника пытается вспомнить, чему его учили в институте, а потом понять – зачем это нужно в практической деятельности и нужно ли вообще. Заранее предупреждаю – вопросы останутся без ответов. Автор помнит, как выглядит интеграл и даже листал таблицы Брадиса в далеком детстве, картинок там не было. Нагнуть и превозмочь ему никто не даст, да он и сам понимает – не осилит.

Содержание

Пролог	4
Глава 2. Трудоустройство	17
Глава 3. Лёжка	30
Глава 4. Утро вечера мудренее	42
Глава 5. Начали!	55
Глава 6. На путях	67
Глава 7. Своими руками	79
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Юрий Ра

Сортировка

Пролог

«Все события выдуманы, все совпадения случайны, все железнодорожники достойны уважения.

Если кто-то узнал себя в моей книге, то сам виноват...»

«Ни богу свечка, ни чёрту кочерга! – так моя бабушка частенько про меня говорила. И с таким осуждением, словно ей было бы легче, если бы хоть какая-то определённости. Так и представляю, что она хвалится соседкам: «А мой-то, мой младший внук теперь у чёрта работает, кочергой стал. Во!» А те такие в ответ, мол молодец парень, сделал карьеру.

С какого перепугу вспомнил бабуся, давно покойную? Да вот сижу перед окошком в МФЦ, время убиваю, пока обслужат. А сотрудница не торопится, словно не замордованная собянинская девочка, готовая ради положительного отзыва не скажу к чему, а работница ЖЭКа советской закалки. Сижу смотрю на тётку, она на меня. Не знаю, что она хочет посмотреть во мне, но в глазах прямо читается бабушкин вердикт «ни богу свечка, ни чёрту кочерга». А я тогда тоже начну ей транслировать чего-нибудь эдакое, типа «давай справ-

ку, вобла сушёная!»

– А вот это хорошо, продолжайте.

– Что хорошо?

– Мысли ваши помогут определиться с сортировкой. А то у вас и впрямь ситуация как из ваших воспоминаний про покойную родственницу.

– Я настолько открыт для диалога, что вы мои мысли читаете?

– Ой, какие мы уникальные! Успокойся, это моя работа – общаться с умершими и определять их статус, потенциал, направленность.

– Ха, какой может быть потенциал у покойника? Заговариваетесь, мадам. Короче, хорош петросянить, давайте справку и я пошел.

– И какую справку вам выдать?

– Вот чудачка человечка, сказал же сразу, мне свидетельство о смерти нужно. Хоть ипотеку закрою досрочно. Ой!

Реально – ой! Только сейчас вспомнил, что я умер. Все мысли про ипотеку, про то, что очень удачно со страховкой от банка вышло, по её условиям мне кредит закроет банк автоматически в случае моей преждевременной смерти. А банки под понятием преждевременная смерть понимают только один вариант – смерть до погашения кредита. А как погасил, то хоть в тридцать лет помирай, долг выплачен, можешь и не жить. Если только еще один кредит возьмешь...

– Вспомнил, болезный? Ну и что с тобой делать?

– Погодите. А чего у вас вид такой? Где нимб, облака всякие, музыка божественная. Что, не могли небесную канцелярию как-то посолиднее оформить?

– «По вере вашей воздастся вам» Слышал такое правило?

– Неа, я атеист.

– А хрен ли заправляешь про нимб? Вот сейчас как закину в пасть крокодилу египетскому, будешь из его пасти про свои грехи рассказывать.

– Э! Хорош, да! что за наезды вообще?! Взялись сортировать, так сортируйте. Оформляйте, отправляйте, не задерживайте... хотя у вас, я смотрю, других посетителей нет. Понастроили контор, а народ к вам не идет, все предпочитают онлайн оформляться.

– Витя, ты debil? Какое онлайн оформление? Мертвые доступа к интернету не имеют, у них вечный бан ко всем ресурсам. Тут просто порядок такой – индивидуально и без очередей обслуживаем каждую поступившую на сортировку душу.

– Понял. Обслуживайте, раз у вас порядок. Приношу свои извинения.

– Вот опять! Чёрт, чёрт!

– Дамочка, что такое? Чего опять чертыхаетесь?

– Только что был минус один, а извинился и опять нулевой. Вот что ты за урод! У тебя ноль в карме, понимаешь, ноль! – Тетка уже чуть не плакала. Видать, какие-то проблемы с нулевой кармой у неё нарисовались.

– У меня нарисовались? У тебя! У тебя проблемы, идиот! Я тебя не могу никуда распределить, это вообще первый случай за не знаю сколько лет! – она уже кричала, не стесняясь других сотрудников, не опасаясь, что её сейчас запишут на телефон и выложат в сеть.

– Какую сеть, кретин! Умер ты! Что, опять забыл? – Блин, я впрямь забыл не только про факт своей смерти, но и про то, что она мысли мои читает. Надо подумать ей что-нибудь приятное, чтоб успокоилась. Или обойдется?

– Опять! Знаешь, Виктор, мне вся эта хрень с тобой окончательно надоела! Решение принято! Отправляешься на дожитие. Хотя нет, переигровка! Нулёвая твоя рожа, с нуля начнешь!

Свои слова тетка сопровождала оглушительными ударами пальцев по клавиатуре. Я всегда удивлялся способности некоторых людей говорить один текст, одновременно вбивая в клавишу совсем другой. Как так-то, у них разные полушария отвечают за набор текстов и разговор? Или у них полушарий больше двух?

– Да чтоб тебя! Нахрена ты такое под руку думаешь! – Крик тетки стал каким-то совсем уж демоническим, заполнил собой все пространство моего фантомного мира, а потом его как отрубил. Зато в носу зашипало от пыли, в которой я сидел. Это что, ад? Ничего ж не видно в пыли.

Я протер глаза, действительно ад. Я сидел на пыльной обочине пыльной дороги, а мимо пыля копытами шла вереница

адских созданий с рогами и хвостами. Некоторые оставляли после себя полужидкие лепёшки. Прищурился, чтоб увидеть иконку с обозначением персонажа, уровня и хит-пойнтов, бесполезно. Неигровые персонажи, никакие характеристики над мобами не появились. Стоп, какие характеристики? Это ж не игра «Диабло», я же в аду. А тогда что бабища про переигровку кричала? А не помню. Вот тут помню, а тут не помню, как сказал Косой из «Брильянтовой руки». Кстати говоря, Косого помню хорошо, его Савелий Крамаров играет, а вот своё имя... своё имя как-то не очень.

Кто я?! Погоди, так не бывает, ты сейчас соберешься с мыслями и всё устаканится. Вот только уйду с дороги, чтоб коровы не затоптали. Коровы! Рогатые и с хвостами – это коровы, они идут на дойку. А те щёлкающие звуки – это кнут пастушеский, он коровам о долге напоминает. Хотя вымя тоже вполне себе серьезный стимул идти к подоюнику, говорят, корове прямо невтерпёж, когда время дойки пропускают хоть чуточку. Кто говорит? Не помню, но точно не Косой.

Релятивная сущность Ехиния продолжала существовать в той форме, в которой взаимодействовала с последним объектом. Причем это было не её осознанный выбор или подспудное желание, а требование производственного процесса. Почему, в чем проблема?! Не-е-ет! «Связь с объектом не разорвана по причине неоказания услуги в надлежащем объеме. Рекомендуем обратиться к специалисту технической поддержки» – пояснительный текст всплыл на панели, эмулиро-

ванной в пространстве специально для соответствия ожиданиям прошлого объекта.

– Я вот тут что-то воплотила, а оно вдруг сломалось – гундосила Ехиния, продолжая оставаться в форме всё той же человеческой тетки, но гонор сменился растерянностью и видом нашкодлившей бухгалтерши.

– И где вас только набирают! Сто тысяч раз сказано было за текущую эпоху – моделирование жизненного цикла объектов разрешается только сущностям со статусов выше релятивного! – не то начальник, не то технический специалист достаточно высокого уровня стоял перед рабочим местом операционистки МФЦ и очень неуютно чувствовал себя в этом скованном законами тяготения, термодинамики и вероятности человеческом теле. А поделаться ничего не мог, закон бытия велит, Великую его Сущность через пень об колено! – Ты хоть понимаешь, что наделала?

– Я хотела сэмулировать его жизнь заново, чтоб хотя бы знак кармы считать...

– Говори о себе в женском роде и смени язык на язык объекта! Хотела! Хотела она, а вместо этого что?!

– А его фантом попал в оболочку реального объекта там, в физическом мире.

– Чёрт. Как так могло выйти?

– Полное совпадение характеристик. Искусственный демиург подсуропил.

– Ага, вали теперь всё на искусственного демиурга! Как

удобно стало в эту эпоху, как кто накосячил, так сразу «это не я, это демиург». Поубивал бы, да вы все вечные. Ладно, проехали. Божественный класс?

– Безбожник. Там все атеисты почти поголовно.

– Магическая предрасположенность?

– Мир без магии.

– Да где вы такие находите-то?! Их же один на миллион.

Технологии?

– Первый уровень. Хоть не нулевой.

– Только и радости, что скрижали не на камне высекать.

Инфосеть хоть хорошая?

– Еще не изобрели. Железную дорогу построили недавно.

Сто пятьдесят оборотов назад. Примерно.

– В звёздную систему вышли?

– Ага. И сразу обратно. Боятся.

– Понятно. Что с фантомом хозяина?

– Не уверена, но кажется, поврежден.

– Фантом объекта?

– Поврежден. Оба в состоянии слияния.

– Ну всё, теперь тебя уволят нахрен. Будешь рекламные туманности формировать. Пошли к начальнику вашему.

– Не могу развоплотиться, закон бытия не пускает.

– Ага, кто-то теперь будет торчать в физическом теле, пока объект не сформируется окончательно. Кто-то без жидкости и белков скоро отдаст концы. И поделом! Моя бы воля...

– И что делать?

– Доведи объект до ума, убери глюки, чтоб бытие его признало живым существом или отзови фантом.

– А тот, который был? Он же погибнет окончательно.

– Ну заминусишь карму, отмоешь как-нибудь. Или не отмоешь.

– Нет уж, Обливионушка, я тут еще повоюю. Мне минус в карму не нужен. И туманности расписывать я не готово. Не готова.

Это всё от палёнки! Пацаны говорят, что от палёнки можно и кони двинуть. Хуже её только Рояль. При чем тут рояль, вспомнить не мог, а что паленкой называют поддельную водку – вспомнил. Я алкоголик? Как все студенты. Я студент? Студак с собой? С собой оказался модный портфель-дипломат, по счастью пластмассовый, так что оттереть брызги коровьей лепешки удалось легко, поплевав на него и протерев ладонью. А потом ладонь вытер о траву. Экий я чистюля, не захотел джинсы пачкать. Джинсы? Это мои штаны, модные и дорогие.

Нет, на дороге я изучать содержимое дипломата не стану, отойду на полянку, авось не затопчут. Да и некому, коровы прошли, других путников здесь не видно пока. А где это, здесь? Я покрутил головой по сторонам – не Москва. О! Я знаю, что Москва столица нашей Родины, и знаю, что выглядит она как-то иначе. Дорога с грунтово-лепёшечным покрытием, частная застройка с заборчиками в стиле «что нашел, всё моё», вороны на березах... это если и Москва, то

старая, не моя.

А моя, значит, с асфальтом, автомобилями и самокатами? Слово «самокат» отозвалось странным диссонансом. В голове боролись образы сбитого из досок горбунка на подшипниках и одновременно высокотехнологическое чудо из фильмов про далёкое будущее ярких цветов, переливающееся и мигающее разноцветными же лампочками. То есть и будущее мигает, и самокат. Потому что он на аккумуляторах. Бред какой-то. Взгляд наткнулся на маленький серебряный крестик. Крестик как-бы дрожал и светился, а еще от висел в бесконечно-далекой выси. Самолет! И сразу облегчение – если над коровами летит неслышимый самолет и оставляет за собой инверсионный след, значит я в своём времени. Знать бы еще, кто этот я.

На какие кнопки жала в своем временном физическом теле релятивная сущность под условным именем Ехиния, что такое релятивная сущность, автору романа неизвестно доподлинно, зато точно известно, что минусить карму оно не хотело. Поэтому, зависнув в МФЦ на одну персону, Ехиния изо всех своих компетенций старалась слепить что-то жизнеспособное из двух фантомных пакетов, загруженных в одну физическую оболочку. Попутно она скинула туда же несколько информационных пакетов, по её мнению повышающих шансы на выживание получившегося монстра. Мнение автора никто не спрашивал, но ему показалось, что баба-дура угробила нахрен оба фантома и так просадила свой

кармический лимит, что туманности ей уже не пропишут. Скажу по секрету, когда случай стал достоянием гласности, сущность Ехинию отправили писать алгоритмы для колонии муравьёв, мутировавшей и отпочковавшейся в одном из множества полумагических миров. А это уже дно, ниже только создание регламентов размножения плесени.

Новая личность, которой еще предстояло доказать тот факт, что она личность, а не чмо убогое, в этот временной промежуток продолжало сидеть на травке и изучать содержимое дипломата. Только в русском языке читатель не вздрогнет от фразы: «Серёга отложил в сторону нож и начал изучать содержимое вскрытого дипломата». К данной ситуации фраза отношения не имеет, и героя зовут скорее всего не Серёга, и дипломат он не вскрыл, поддев замочки ножом, а банально открыл своими пальчиками. Ну ладно, пальцами, нормальными мужскими пальцами, с характерными мозолями на подушечках пальцев и костяшках кулаков. Эти руки многое бы сказали опытному человеку, но такового поблизости не ошивалось.

В портфеле нашелся диплом на имя некоего Петра Фролова, комсомольский билет и паспорт на его же имя. В дипломе фотографии не было, фотография три-на-четыре в комсомольском билете несла отпечаток незамутненного детства, припухлости губок и наивных глазок. Зато фото четыре-на-шесть в паспорте принадлежало уже возмужавшему шестнадцатилетнему почти мужчине с оттопыренными ушами и су-

ровыми прыщиками на щеках.

– Выходит, что я не студент – разговор вслух с самим собой есть признак высокого интеллекта. Вряд ли идиот стал бы разговаривать с собой, с идиотами никто не любит общаться. – Я инженер путей сообщения. Что бы это не значило. И выпустил меня из своих стен Московский институт железнодорожного транспорта МПС СССР. О как – я железнодорожник, а не путей сообщения вообще инженер. И я Петр, камень в переводе с греческого. Как святой Петр, только живой и не святой.

Откуда-то изнутри и одновременно сверху пришло понимание, что русские живут в России, а Россия прячется где-то на просторах СССР, широка страна моя родная, а собор святого Петра стоит в Риме, а Рим в Италии, а Ватикан... а причем тут Ватикан? Рим столица Италии, Ватикан столица Ватикана. Капстрана, в которой советские люди никогда не были и не будут в товарных количествах, но вдруг в голове нарисовалась картинка, как он стоит в этом самом соборе в рубаше и шортах такой маленький-маленький на фоне такого огромного собора, что Исакиевский можно поставить внутрь, а рядом еще и Покровский присоседить. Покровский, это который Василия Блаженного.

Хрен с ними, с соборами. Я инженер, а инженер звучит гордо. Да? Да! А почему я тут? А потому, что меня распределили на Сортировку. Вот только где она, родимая? Где огромная станция, перемигивающаяся огнями светофоров,

самокатов и луноходов? Погодьте, луноходы – это такие модные зимние сапоги, они не перемигиваются. Очень тяжело было вспомнить то, чего ты никогда не знал, или знал, но не ты. Или ты, но ты уже умер. Петр даже опешил от такой мысли, с чего бы ему умирать, он только жить начал, диплом получил, распределился. Можно не лазить по интернету в поисках приличных вакансий, не доказывать, что не бывает молодых и амбициозных профессионалов с десятилетним опытом работы. А вот это воспоминание, оно к чему? Всех же распределяют, и все ноют, что не хотят быть распределенными, а хотят быть свободными людьми.

Петр читал, когда еще не был Петром, что существуют так называемые фантомные боли, когда болит ампутированная конечность. От мысли про фантомную боль его скривило, а в неведомом далеке или высокое, глубоке (нужное подчеркнуть) также скривилась сущность Ехиния. Они одновременно испытали всю гамму чувств разрушенных и перемешанных фантомов, хотя это и читается как бред. А потом всё, как отрезало. Петра отрезало от боли, а Ехинию от материальной оболочки.

Сразу после этого он вспомнил, как оказался тут, на зеленой траве, на обочине грунтовки и вообще жизни, вдали от станции, на которую ехал. Трагическая история по сути: пригородный поезд, везущий его к первому месту работы остановился, задумавшийся Петя услышал малоразборчивое объявление из динамика «станция Сортировочная...», и

только выскочив из дверей вагона на пустынной платформе допёр – это Сортировочная Вторая! Ну как допёр, прочитал табличку. Малолюдность крайняя, летняя жара, летающие жуки и бабочки как-бы намекали – следующий пригородный поезд появится не скоро. Логика подсказывала, после Сортировочной Второй будет Сортировочная Первая, дойти до неё можно вдоль путей.

Вся эта цепочка воспоминаний о случившемся с ним или тем, кем он был когда-то (странная мысль) пронеслась в голове и стала логичным объяснением. А раз всё объяснимо, надо продолжать двигаться в выбранном направлении.

Глава 2. Трудоустройство

– Раз я человек, то у меня есть родственники где-то. Может они здесь и живут, не стал бы я распределяться в какой-нибудь Нижнезадрищенск, логично?

– Нелогично – голос памяти был каким-то издевающимся и напоминал что-то совсем недавно пережитое, но напрочь забытое. – Ты идиот, если думаешь, что в СССР кого-то волнует дислокация твоих родственников. Понадобился где-то инженер путей сообщения одна штука, пульнули первого попавшегося, в данном случае тебя. И не факт еще, что ты реально понадобился. Могли и просто так попросить, от скуки.

– Это как? Что ты несешь, дорогая память?

– Плановая экономика, Петюнчик! План, трава, конопля, анашка, дурь, марафет... – улавливаешь тему?

– Нет. Про коноплю слышал, её выращивают. А про анашу только стишок детский. Малыши, малыши, накурились анаши! Тащимся, тащимся!

– Умничка, понял-таки специфику планового хозяйствования! Возьми с полки пирожок.

От этой мысли в желудке предательски заурчало. Петр вспомнил, что никакая мама его в дорогу не собирала, так что «тормозок» в дорогу ему никто не клал. И опыта взрослой и самостоятельной жизни у него – пять лет жизни в общежитии, впрочем и то опыт. Кстати, при мыслях о маме

никакие струны в душе не задрожали, мысли о папе тоже скользнули как-то спокойно. Бабушка с дедушкой есть? Вроде есть, но память отметила этот факт также безэмоционально. Выходит, ни привязанностей, ни утрат, что Верхнезадрищенск, что Мухосранск – куда Родина кинула, там и прозябать буду, решил Петр. Он даже вспомнил, как вчера сдал койко-место в общежитии, и эту ночь провел в своей старой комнате на птичьих правах и чужой койке с матрасом, зато без постельного белья. Какие там пирожки в дорогу...

Если читателя раздражает такая неряшливая форма подачи мыслей главного героя то от первого лица, то от третьего, то все вопросы к Петру – он пока сам не понял, кто он и что такое. Прорвавшаяся из глубины души фраза «ни богу свечка...» показалась излишне эмоциональной и нелепой, но явно это какой-то ключ. Петр не раз уже ловил себя на том, что не очень уверен, что он это он, притом, что... личность пока не собралась в кучку.

Иду себе, дипломатом покачиваю, травинку в зубах грызу, пейзажем любуюсь. Пути железнодорожные справа тонкий аромат креозота испускают, коза на привязи посреди полосы отчуждения блеет, мужики в желтушках матерятся на бабку. Идиллия!

– Мужики, почто старушку костерите? Какое такое плохое зло она вам сделала? Вдруг решил вмешаться и спасти человека, хоть я и не Д*Артаньян, а бабка если на Констанцию и смахивает, то на долго и качественно пожившую, с со-

лидным перепробегом после конца срока коммерческой эксплуатации.

– Уж не сомневайся, сделала! Жабба такая, уже третий раз сделала!

– Ироды, нешто я нарочно? Я козу пасу.

– Так что случилось, сограждане?

– Что?! Она нам в этом месяце кабель своей железкой третий раз пробивает! Мы ж только положили его, а ты гадина всё тыкаешь и тыкаешь стержнем в жилу! И как находишь только!

– Да колдунья она, мы таких раньше сжигали живьём!

– Ничего я не колдунья. Козу где-то пасти надо? Вот сюда и вывожу. А спицу, к какой козу привязываю, я втыкаю туды, где земляца помягче. А не в ваш кабель говённый.

– Ага, а мягче земля как раз где мы её перекапывали при прокладке, говорю ж – ведьма. Вали отсюда со своей козой, чтоб больше не видели!

– Не ругайтесь на старуху, просто в милицию сведите, а там разберутся. Кто разрешил выпас в полосе отчуждения, зачем она кабель тыкает...

– Парень, ты шёл, вот и иди. Мы как-нибудь и без тебя, и без милиции порешаем всё.

И я пошел дальше на звук сигналов локомотивов, соударяющихся вагонов, непонятного бухтения под небесным сводом по громкой связи. Подъем на небольшой взгорок открыл эпичную картину – внезапно под моими ногами предстала

станция почти целиком, ну или один из её парков. Кто знает, вдруг меня прислали на реально большой и серьезный объект. Хотя станционные пути и находились в ложбине, то есть под моими ногами, противоположная сторона пучка скрывалась вдали, а посчитать количество путей не получалось. Я начал считать, шевеля губами, сбился, снова сбился, а потом плюнул. Если возьмут работать, то всё в своё время узнаю. Еще во сне сниться начнет.

Звуки огромного железнодорожного узла нахлынули мощным валом, я утонул в этой какофонии. Было ощущение, что через какое-то время они станут для моих ушей что-то означать. Как по заказу мозг неожиданно начал их расшифровывать: вот маневровый локомотив продублировал гудком сигнал остановки, а это далекое шипение – работа вагонных замедлителей, и сразу божественный звук скрипки над всей станцией – стальные колеса пытаются вырваться из тисков этих самых замедлителей. «Ква-ква-ква-ква!» – маневровый диспетчер дал задание на перестановку вагонов, не доверяя хрипящей рации, висящей через плечо у составителя. Знамо дело, чем сквозь треск помех прорываться, проще ориентироваться на такое понятное «ква-ква-ква». Откуда я всё это знаю, я что, работал на станции в период практики? Кто я?

Я Фролов Петр, выпускник МИИТа и жертва косорукого архангела. У меня за спиной как два крыла две жизни: одна короткая и прямая как лом жизнь советского школьни-

ка, студента и физкультурника; вторая похожа на провода от наушников, засунутых в карман, в которой было всякое... Вторую вспомнить было интересно, но трудно. Раздваивались воспоминания о родителях, подружках, странные картинки из армии... Тот я служил что ли?! Промелькнул Ватикан и собор святого Петра, словно одна часть меня посещала его. Паломник? Дорогие иностранные машины, пальмы, непонятные явно порнографические кадры не то из жизни, не то из кино – интересно, но противно. Или наоборот, противно но интересно посмотреть опять...

Так вот почему как отрезало бывшие привязанности – призрак умершего человека поселился во мне. Абсолютно ненаучно, вразрез к классическим христианством, да и индуизм, насколько я про него что-то знаю, не предполагает реинкарнацию в живого взрослого человека. Жопа какая-то. Хотел поморщиться от такого неприличного слова, но понял – для духа слово не то что приличное, а чуть ли не термин. Интересно, давно ли он умер и где? Сколько лет он скитался неприкаянный? Может вообще, из Киевской Руси, нет из Киевской перебор. Точно, он из царской России, потому и на моление в Ватикан ездил. Летал? На самолете? Как на Боинге, вы что-то путаете, уважаемый призрак. Вы же в России жили, а там никаких Боингов и Мерседесов не было. Были, но не у всех? Что значит, не та Россия, которая была, но которая будет? Жопа какая-то у меня в голове, прости-господи.

Еще час ходу вместе копания в своей голове, от которого

можно и глузду съехать, и завиднелся среди деревьев административный корпус станции. Ему его показали с третьего этажа поста управления всей станцией. Огромный как орган пульт управления на четыре руки привлекал больше внимания, но Петр одернул себя – потом насмотрится. Сейчас надо заниматься трудоустройством.

– Давай двигай, Петя, не заблудишься! – высокий и худой блондин с прической как у типичного африканца и носом достойным испанского идадьго по имени Юра чуть ли не перекрестил выпускника института. Кстати, этот дежурный по станции был моложе Петра, но совершенно не испытывал никакого пиетета к своему будущему начальнику. Второй дежурный по имени Игорёк был таким же молодым, но еще более наглым.

– У вас все такие молодые работают?

– Ага! Третья же смена!

– И что?

– А, ты ж новичок. На узле сформировали сквозную комсомольско-молодежную смену во всех подразделениях из выпускников техникума. И вагонники, и локомотивщики – все молодежь, все друг друга знаем.

– И сильно косячите?

– Как накосячим, так и разгребем. Все друг друга прикрывают.

– Банда у вас, получается. Небось и путейцы в преступном сговоре.

– Типа того. А ты вроде шарить. Работал на станции?

– Типа того.

– Усёк. Ладно, ты идти собирался, вот и иди, а то разбегутся лица, приближенные к начальству, оформиться не сможешь.

Но сразу уйти не получалось – Петр буквально прилип глазами к пульту. Огромная многосегментная тумба зеленого цвета как подкова охватывала кресла двух дежурных по станции. Сотни кнопок и лампочек, табличек и пломб на ней создавали ощущение чего-то сверхсложного в управлении. Сразу вспомнилось, как выглядят приборы управления современного пассажирского лайнера – в самолета все скромнее и проще в разы. Над пультом торчало несколько микрофонов, селекторный аппарат чуть не полсотни абонентов, три радиостанции. Пока Юрий общался с Петром по поводу административного здания, второй дежурный по станции буквально распластался над двумя рабочими местами, постоянно жал на какие-то кнопки и говорил, говорил, говорил по многочисленным трубкам и микрофонам, не выпуская их из рук. При этом жал на кнопки он вслепую, взгляд же Игоря был прикован ко второму блоку пульта – стальной стене размером десять метров на три, на которой светящимися ячейками были выложены все пути и стрелочные переводы станции, светофоры и переезды. Секции путей загорались то желтым, то красным, то гасли, светофоры перемигивались своими тремя цветами.

– Что, нравится?

– Ну дак, солидно! -Петр не покривил душой. Это было гораздо круче, чем симулятор истребителя или космического корабля в компьютерной игре.

– Ну-ка, что означает один зеленый и один желтый мигающий на входном?

– С полосочкой?

– С полосочкой.

– Поезд принят на бок по пологой стрелке, следующий светофор открыт.

– Молодец, будет из тебя толк!

– Да пошёл ты! Вернее я пошёл. – И Петр таки ушел от доморощенных экзаменаторов навстречу своей судьбе.

Первый этаж административного корпуса тонул в темноте, дверь на второй выглядела весьма непрезентабельно, а еще из-за неё тянуло сыростью и запахами душевой. И только третий этаж выглядел адекватно, а первая же дверь в коридоре имела табличку «Приёмная». Стандартная приёмная, которая неумело скрывалась за дверью, выглядела как классическая приёмная. В ней наличествовал стандартный шкаф, герань, стол с печатной машинкой и секретаршей, а также две двери с надписями «Начальник станции» и «Главный инженер». Секретарша была тут же атакована с натиском, достойным имперских штурмовиков при захвате «Сокола тысячелетия» под управлением Харрисона Форда:

– Начальник у себя?

– Работу докладывает.

– Что, сам что ли? С какого?

– Я хрен его знает тарщ майор. А вы по какому вопросу?

– На работу пришел оформляться.

– Да ну? Кем?

– Ну раз место начальника занято, буду замом.

– Ох ты ж! Что, сняли Валерку всё-таки? Ты по оперативной работе или по безопасности будешь теперь? С отделения дороги прислали?

– Бери выше. Из Москвы!

– Ох них! Ангидрид твою перекись марганца! А Николай Николаевич не в курсе!

И относительно молодая женщина немодельной внешности метнулась в кабинет начальника. А уже спустя три минуты Петр был приглашен в кабинет, отделанный панелями от шкафов перед светлы очи самого. Идущее селекторное совещание с отчетами о выполнении плана погрузки-выгрузки на станциях не стало помехой разговору.

– Так ты по распределению?! Какого хрена тогда мозги полощешь! Инку с панталыку сбил, она чуть на пороге не растянулась. Где вас только таких дураков находят? Один врет, другая бегаёт и орёт как заполошная.

– Кому я врал?

– Ты сказал, что из Управления дороги приехал?

– Нет. Сказал, что из Москвы. Чин по чину, мол на работу трудоустраиваться.

– А чего она мне тогда по ушам ездила: Валерку сняли, нового зама прислали.

– Так я причем? Ваш кадр, вам виднее.

– Ты, я смотрю, тоже кадр.

– Тогда пошел я в кадры. Оформляться.

– Кем? У мен вакансий нет.

– А, вот и чудно. Давайте бумажку с печатью и подписью, что отказываетесь от молодого специалиста. Я тогда распределение аннулирую.

– Ага, разбежался! Меня ж потом с этим самым в отделении сожрут. Нет уж. Сейчас чего-нибудь придумаем.

– Придумайте. И жильём обеспечьте. И аванс с подъемными выпишите, чтоб я мог как человек устроиться в вашем Зажо... городе. У вас же город? Или в гостинице согласен пока пожить за счет организации.

– В гостинице? С этим не очень, то есть не так чтобы совсем, просто у нас её нет в городе.

– Совсем?

– А нахрена? Кто к нам поедет? Разве что вот такой как ты кадр. Дежурным по станции пойдешь?

– Так это не инженерная должность! Я что, за этим пять лет в институте знания получал?

– Вот тут ты ошибаешься, станция у нас внеклассная, так что на эту должность принимают специалистов с высшим или техническим образованием. Так что имею полное право.

– Ну ладно, для начала согласен дежурным.

– Э, нет, для начала ты составителем поездов побегаешь, станцию подучишь, специфику...

– А что сразу не с башмарей начинать? Или давай станционным рабочим, буду вагоны зачищать? Нет, товарищ начальник, на это я несогласный. Да и вы не имеете права молодого специалиста на рабочую должность ставить.

– Откуда вы такие грамотные вылезаете-то?

– Из института. Вы, Николай Николаевич, тоже МИИТ заканчивали?

– Не, я заочник. Всесоюзный заочный кончил.

– Ну тоже ничего. Кстати, про жильё я не шутил, обязаны как молодому специалисту...

– Не беси, а. Знаю, грамотный. Родственники у тебя тут есть?

– Мне еще тут родственников не хватало. У меня вроде все умные.

– Не дерзи, будет тебе общежитие. Но не сегодня.

– А сегодня мне где ночевать?

– В комнате матери и ребенка на вокзале. За мать ты точно не сойдешь, а за ребенка проканаешь.

– Не смешно. А я не шучу. Мы обычно одну комнату свободной держим. Перекантуешься денек-другой. Иди короче в кадры, мне сейчас работу уже докладывать!

Отдел кадров был дальше по коридору, а там Петр попал в руки крупной и добродушной женщины с такой подходящей ей домашней фамилией Окорокова. Документы Перта были

взяты, изучены и переписаны. Пока кадровичка заполняла новенькую трудовую книжку, молодой специалист внезапно для себя выяснил, что является офицером. Из военного билета, который на полянке изучить Петя не удосужился, он узнал, что за время учебы в институте он успел стать лейтенантом запаса. Какие-то смутные воспоминания закружились в голове, причем черная железнодорожная форма сменялась мятой хэбэшкой без погон, а та аккуратно подогнанной и выцветшей солдатской формой с сержантскими лычками на погонах. Пальцы зашевелились, вспоминая порядок обращения с охотничьим ружьём, автоматом Калашникова, гранатометом РПГ-7, и почему-то сразу несколькими моделями пистолетов. Пролетело воспоминание радиолокационной станции, неожиданно укладывающей рельсошпальную решётку на щебеночную насыпь.

– Вводный и первичный инструктаж проводить?

– Да понятно всё, на головку не наступать, в просвет менее пяти метров не лезть, неисправными электроприборами ни-ни, услышав лай караульной собаки... стоп, это из другой оперы.

– Вот и умница, всему вас в вашем институте учили. Тогда распишись тут, тут, тут и тут.

– А тут за что?

– Не помню, все расписываются, и ты не умничай.

– Погодите, а чего вы меня учеником дежурного по станции оформили?!

– Так дежурным без сдачи экзаменов нельзя, милай. Отучишься, если потянешь, когда сдашь, тогда дежурным оформлю. Порядок такой.

– А оклад в полном объеме?

– Ага, размечтался. Семьдесят процентов и никакой премии, пока не сдашь. Но всё одно больше, чем у инженера, даже в учениках. А еще же и ночные!

Суровая проза действительности накатывалась и постепенно грозила утопить Петра в своей безжалостной пучине. Коды точек телепортации, внезапно всплывшие в памяти так отчетливо, буквально звали к их немедленной активации, вот только ни одного намека на наличие кабин нуль-транспортировки жизнь не подкидывала.

Глава 3. Лёжка

– А вообще, молодой человек, считайте, что повезло вам – в голову Пети опять проник голос Окороковой – Ну чего вам в инженерАх делать?

Самое смешное, что слово «Инженерах» было произнесено с ударением на последнем слоге. Толи местная специфика, толи уровень образования кадровика. А она продолжала рассказ о безмерной удаче Фролова:

– И оклад выше, и рабочий день у наших дежурных сокращенный шестичасовой.

– Что, правда что ли?

– То есть смена стандартная, двенадцатичасовая, просто месячная норма рабочего времени меньше. Выходных больше. А еще же и вредное производство считается, через двенадцать лет получите право на досрочную пенсию. На заслуженный отдых пойдете в пятьдесят пять, а не в шестьдесят. Сплошные плюсы.

– Я даже знаю, с чем сокращенный график связан, у вас там нагрузка такая, что умереть и не жить. Небось каждый второй гипертоник или сердечник.

– Ну да, бывает. Здоровье беречь надо, чтоб до пенсии дотянуть.

Я шел вдоль железнодорожных путей мимо деревянных домиков с выгороженными дворами, чьи заборы прижима-

ли тропинку к маневровой вытяжке. Еще немного, и маршрут от Сортировки Второй до Сортировки Первой, который должен длиться минут десять от силы на пригородном поезде, был преодолен успешно пешком – из-за кустов показалось здание вокзала. Классическое двухэтажное здание в стиле сталинского ампира с фальшивыми колоннами, треугольным фронтоном и окнами ресторана на два этажа от фундамента до самой крыши не поражало, но заставляло задуматься. Первая мысль – как так, такое солидное здание не может стоять в таком маленьком городке, где даже отеля нет. Да тут не то что отеля, тут слова такого нет и не было сроду.

«Погоди анализировать» – прервал я сам себя, сейчас есть более важная задача – обеспечить себя крышей над головой. А то пока ты архитектурными изысканиями страдаешь, начальник вокзала сдриснет домой или к любовнице, а то и на огород, сиди потом на лавочке! Самый логичный вариант поиска начальника – привлечь местных, решил я и пошел искать дежурного по вокзалу, на его наличие как бы намекала монументальность здания, опять же целых пять пассажирских путей и три пассажирские платформы предполагали большой трафик.

Вот ты где! Дверь с надписью «Дежурный по вокзалу» находилась практически посередке кассового зала рядом с амбразурами кассиров и справочной. Не чинясь и не страдая от излишней робости, я потянул ручку на себя, а потом и проник в кабинет:

– Чо надо! Стучаться не учили? – суровая однорукая тётка в серой форменной рубашке с железнодорожными погонами решила сходу показать, кто тут главный. Ну-ну.

– Хорош орать, мне начальник вокзала нужен – дипломатично ответил я, выбрав самый доверительный тон – я от Шафороста.

Фамилия начальника станции, одного из больших людей города и однозначно шишки железнодорожного узла оказала должный эффект.

– А чо молчал тогда, так бы сразу и сказал.

А действительно, что я молчал? Может потому, что глупо орать через закрытую дверь? Адекватность у конкретной работницы расположена где-то в том же месте, где у меня дипломатичность выросла, однозначно. Ну да мне с ней не детей крестить, где дежурный по вокзалу, а где я! Главное, что мы куда-то идем. Пройдя вглубь здания через какую-то дверь, мы неожиданно оказались на улице. То есть не совсем на улице, а в портике между колоннами с задней стороны вокзала. В таких местах обычно творятся самые темные делишки, вспомнил я, именно здесь должны толкать дурь, распивать спиртные напитки и торговать билетами на юга из-под полы. Угу, а раз лето, и никакой полы у кассирш нет, то из-под юбки.

В противоположность ожиданиям, среди колонн не маячили наркоторговцы, не валялись пустые бутылки, а на подозрение наводила только обшарпанная дверь с табличкой

«Парикмахерская». Но нам туда было не надо, совсем другую дверь моя сопровождающая открыла единственной рукой и стала подниматься на второй этаж.

– Что случилось, что за пожар? – начальник вокзала по всей видимости спал на рабочем месте, наш визит оказался не в кассу. Да и хрен с ним, всё равно скоро уже просыпаться дядечке, домой идти.

– Вот, говорит, ДээС прислал.

– И?

– Здрасьте. Прислан к вам ажно из самой Москвы в качестве молодого специалиста. Пока жульём не обеспечили, Николай Николаич распорядился ночевать в комнате матери и ребенка. Какой матери, он не уточнял.

– Ха! С юмором пополнение, это правильно. К какой матери тебя послали, ты потом поймёшь. А пока да, пока у нас перекантуешься. Ты как, от мамки или нормальный?

– В общаге пять лет. Так что не переживайте, не опысаюсь ночью.

– Он мне нравится! Кузьмина, веди его, заселяй. И не обижай парня, а то он вырастет и припомнит тебе черствость твою.

– Знаете, где я видала все его припоминалки!

– Знаю, Кузьмина, они у тебя все примерно в одном месте находятся. Как тебя муж только терпит. Иди, короче, открой резервную комнату, выдай полотенце. Он небось вообще голяком приехал. Молодой, где твой чемодан со шмотками?

– В Москве лежит. Сначала я крышу над головой органи-
зую потом обживаться начну.

– Ну, тоже логично. Всё, идите уже, не мешайте работать.

– Так уже поздно работать, почти семнадцать часов!

– И что предлагаешь?

– Я? Ничего.

– Жалко – тяжело вздохнул начальник вокзала – А я уже
решил, что нормального специалиста к нам в кои веки при-
слали. И что, даже полстакана не тяпнешь?

– Сухое игристое если только. Что-то есть из шампанских
вин?

Дяденька сначала икнул, потом попытался перевести фра-
зу на понятный язык, и только через минуту отвис и заржал!
Мы шли по полутемному коридору, а смех за нашими спи-
нами не утихал, он метался между стен, резонировал с пла-
фонами и заставлял задуматься о бренности бытия.

– Ты со своим юмором тут поаккуратнее, молодой специ-
алист. А то не поймут, бить начнут. Народ у нас не очень
тонкий, опять же с коллективизмом всё хорошо.

– В смысле, толпой бить будут?

– А то! Ты вон парень видный, питался хорошо. Втроем с
тобой ругаться в самый раз будет.

– Это вы мне льстите. Спасибо конечно, и за предупре-
ждение тоже спасибо. А ежели вы скажете, где у вас поку-
шать можно, то совсем будет здорово.

– Ну, ресторан в вокзале ты видел, туда не ходи. Напротив

ресторана мост переходной через пути, а за ним автостанция и столовка. Туда тоже не ходи. Напротив административного здания столовка, видел?

– Неа. Как-то не заметил.

– Ну да, её трудно разглядеть. Туда не ходи точно!

– Так где покушать-то?

– Да возьми чего-нибудь в магазине и заточи. Всухомятку, зато не отравишься. А потом девку себе найди хозяйственную, чтоб кормила. Я так поняла, ты непьющий?

– Непьющий. Хотя итальянские вина...

– Вот я так и поняла сразу! Я дожила, святой боже! Дожила! В городе непьющий мужик завелся! Все девки твои теперь, если пипирка рабочая. Ты как, ходок?

– Если от этого завит вопрос моего выживания, то прямо бегун!

– Молодец, с таким подходом приживёшься. Народ у нас хоть и простой, но с пониманием. Но тяжко тебе будет непьющему. Особенно в трудовом коллективе.

– Я комсомолец. Кажется.

– И-и-и?

– Комсомольцы трудностей не боятся!

– Юморист. Может и примет тебя коллектив. Наш народ юродивых и блаженных привечает. Ладно, вот постельное бельё, сам заправишь. Вот тебе ключ, удобства по коридору направо. Никого не пугай, сам не пугайся, куда попало кипяильник свой не суй. Есть кипяильник?

– Нету пока.

– Пока? Смотри мне, чтоб никаких моек на проволоке! Спалишь проводку, прокляну.

– Понял, не дурак. Был бы дурак, не понял. Дальше сам разберусь.

Когда дежурная по вокзалу ушла, я окинул взором комнату и решил, что с временным жильём мне повезло. Явно не для кого попало держали помещение, скорее всего транзитным пассажирам её и не открывали никогда. Если гостиницы в городе нет, то всяких приезжающих проверяющих, командированных и прочий люд селить где-то надо. И не всякого человека можно засунуть в общежитие, бывают такие приезжие, что самих встречающих засунуть могут. И не в общежитие. Так что да, повезло. Наслаждайся, Петя, отдельными апартаментами, хрен знает, куда потом засунут. В смысле, заселят. Не всякая общага может похвастаться тем, что её строили к Олимпиаде-80, не во всякой живут студенты высших учебных. Порой в общежитиях живут выпускники низших учебных или даже те, кто не выпустился, а условно досрочно освобожден.

Я знал уже, что в моём дипломате кроме документов лежит сменка белья, мыльно-рыльные и свежая футболка на все случаи жизни. Что радует, никто не наехал по поводу джинсов, а то в голове бродят какие-то смутные воспоминания насчет неприятия некоторыми ответственными товарищами этой пролетарской одежды. Тем не менее я еще разок

поворошил содержимое портфеля и наткнулся на складной нож, а потом и ответку. Длинная с узким плоским жалом, она легла в ладонь привычно, но как-то странно. Пальцы стиснули литую рукоять, пятка которой уперлась в ладонь. Таким хватом не винты выкручивать удобно, таким макарон ловчее телеса пробивать. Я встал и сделал несколько колющих выпадов. Ноги при этом сами собой чуть согнулись, словно я танцор диско или боксёр, а плечи опустились. Еще и левая рука приподнялась в полусогнутом состоянии, словно на ней висит щит. Мдя, непростое у меня тело. Или это мозг чудит? Тело громко и внятно заурчало, намекая, что оно хорошее, только его покормить бы надо. Ну, надо, значит надо. Пойдем, тело, я поищу для тебя корм.

Можно было пойти в любую сторону, даже через мост, если верить этой грубой и резкой тетке, везде его ждало примерно одно и то же. В смысле, что кругом столовки-тошнеловки, в которых питание превращается в лотерею, где за твои деньги тебе продадут шанс утолить голод или отравиться. Мысль про лотерею держалась в мозгу до тех пор, пока он не вышел на ту сторону вокзала, которая была обращена к перронам. Вообще странная архитектура, сколько видел вокзалов (ага, я видел много вокзалов!), у всех парадная сторона была обращена к привокзальной площади. А уж на ней и автобусная остановка, и гостиница, порой не одна, и забегаловки с киосками. Короче, в некоторых маленьких городах и жизни-то нет нигде кроме привокзальной площади. Такси-

сты, ночные бабочки, остановки... а здесь какой-то уникальный случай – колоннада и выход на заброшенную дорогу, а дальше пустырь и глухой забор. И уже за забором парк сомнительной культуры и стремного отдыха.

Так что вариантов нет – парадный вход стал выходом. И сразу же моим вниманием завладели два лотка на колесах: из одного продавали пирожки с повидлом по пять копеек, около второго торговали билетами лотереи «Спринт» по полтинничку. И так тоненько под сводом черепа продолжает дрожать та мысль про лотерею. Как подхватило меня что-то, словно подсказка неведомо откуда! Точно, это шанс! Беру широким жестом сразу два билета на рубль. В чем особенность этой лотереи перед прочими – не надо ждать розыгрыша, хватаешь удачу за хвост, отрываешь его и получаешь свой выигрыш у лотошника.

Так-то еще одна лотерея организована схожим образом – книжная. Выиграть можно аж пятерку, но денег не дадут, а дадут книг на всю сумму. Чего не надо, того не надо. Конкретно сейчас просаживать двадцать пять копеек на книжный куш я не готов. Опять же предвкушение удачи не где-то там, а вот оно, на перроне. Минимальный выигрыш в «Спринте» рубль, мало, зато часто попадается. А главный приз такой, что не вышепчешь – десять, прошу прощения, тысяч! Естественно, таких денег мне киоскёр не выдаст, за ними надо в сберкассу идти. Я прикинул пути отхода – от лотка сразу обратно в вокзал, якобы насквозь его пробегаю

и скрываюсь в зарослях. А на самом деле – прячусь в комнате матери и ребенка, хрен кто найдет. И ничего, поголодаю ночью, посижу без еды. А зато потом с утра в сберкассу к открытию и я богат!

Первый билет, у которого я оторвал хвост и развернул бумажку, не порадовал, явив надпись «без выигрыша». Оказывается, выигрыш во втором билете. А нет, не во втором. И не в третьем. Зато в четвертом глаз порадовало слово «спринт»! Вот оно, счастье. Что, как не выигрыш? А что? Оказалось, слово в билетике означает право на получение еще одного билетика. Давайте уже скорее! Лотошник явно уже наблюдал таких как я счастливых в предвкушении большого куша, так что не стал мне указывать на ошибки построения фраз, а молча сунул в руки заветный выигрышный билетик. Рубль! Один рубль выигрыша означал, что если я сейчас остановлюсь, то не стану мультимиллионером из трущоб, зато окажусь в минусе всего на рубль. Давайте еще два билета, я рубль выиграл!

Мутная бартерная схема, по которой я обменял победный рублевый билетик на два нераспечатанных напрягала, но иных вариантов не вижу. Я что, идиот оставлять главный приз в этом вращающемся шестиугольном лотке из оргстекла? Руку не суй, я сам вытащу! У тебя рука несчастливая. Кисть слегка свело в борьбе между мозгом, тянущим из барабана два билетика и самой рукой, пытающейся загрести полную горсть. Врешь, не возьмешь! Короче говоря, если ну-

жен достойный результат, никому не доверяя, делай всё сам. И именно своей рукой я вытянул этот пресловутый выигрышный, по-настоящему выигрышный билетик. Одна беда – вместо десяти тысяч удача подсунула мне десять рублей. А с учетом расходов на проект прибыль скукожилась до восьми целковых. Да и хрен с ним, восемь рублей – нормальные деньги, на них можно... Много чего можно, но я решил, что самым правильным будет сунуть их в карман и отправиться к следующему лотку.

– Бабуль, пирожки горячие?

– Горячие, внучек! Сколько тебе?

– А давно они горячие? Может уже того, слегка теплые?

Какая температура?

– Я тебе что, Гидрометцентр? Готов брать – бери. А не то, отходи, не мешай работать – бабулька решительным жестом закрыла люк своего ящика на колесах, такой толстый, словно это танковый люк.

– Эх, была-не-была, давай на пробу четыре штуки.

– Держи. Я смотрю у тебя губа не дура, четыре штуки на пробу взял. Не местный, что ли, раз попробовать собрался?

– А что, местные не берут?

– Наши не пробуют, они давно знают, какие у нас вкусные пирожки. Повидло местное, да много, да пирожки всегда прожарены. Небось не с рисом.

– Фууу, с рисом не бывает пирожков! Кто их есть будет с рисом? Хлеб с рисом, это ж надо придумать

– Вот и народ так считает. А когда положить нечего в начинку, гонят вот такую хрень. Только алкашня на закуску и берет. На троих один пирожок – занюхивать.

Четыре пирожка, убитые во цвете лет ударом вилки в бок, были как-бы завернуты в кусок кассовой ленты из грубой серой бумаги. Вилка здоровущая, такой и меня в бок завалить можно, я сочувствую бедняжкам. Это ж надо, всего за двадцать копеек убивать таких вкусненьких жирненьких сладеньких и еще почти горячих пирожочков! Поедая неостывшие тела кулинарных изделий, я прогулочным шагом шёл по мосту, углядев с него магазинчик. Мой организм требовал кефира. После пирожков самое то, если верить диетологам. Что примечательно, если потороплюсь, успею завершить свой импровизированный ужин до восемнадцати часов, чем снова порадую всех диетологов мира. А в столовую не пойду, нафиг эту вашу лотерею. Сегодня я понял, что единственной лотереей, в которую отныне согласен играть, будет пирожковая. Перло в ней нынче не по-детски. Из четырех купленных пирожков все четыре оказались с повидлом! А под крышкой купленной бутылки с кефиром меня ждал очередной сюрприз – кефир! И не надо мне этих ваших кодов с призами, свежей молочки достаточно!

Глава 4. Утро вечера мудренее

Не стоит думать, что в ведомственном магазине Отдела Рабочего Снабжения Московской железной дороги я купил только кефир. Что-то подсказывало мне, что голод придет снова, причем подкрадется этот безжалостный зверь неожиданно. Проснусь утром, а он уже сидит в засаде и бьёт хвостом по полу, выбирая момент для нападения. Да что утром, порой и ночью набрасывается, я его повадки уже знаю. Так что пришлось приготовиться к боевым действиям. А учитывая отсутствие холодильника в комнате, колбасы на прилавке и мяса в готовых котлетах, взял банку дорогушей сайры в масле за семьдесят копеек и полбуханки черного. Только дураки едят сайру с белым хлебом, а у меня губа не дура. Я уж не говорю, что здесь не режут батоны пополам. Продавщица смотрела на меня как на мажора – явно человек купил не еду, это определённо закуска. А закусывать такими дорогими консервами здесь не принято, я уже понял. Да и хрен с ней, половинка черного в руке, консервы в кармане, жизнь прекрасна.

С хлебом не рассчитал, он оказался не только ароматным, но и с хрустящими краешками, так что к моменту моего возвращения, половина от половины была уже сгрызена. Не надо было в руке нести, целее был бы, да только больше не в чем, авоськой пока не разжился. Сгрузив в комнате продук-

ты, ненадолго завис – если я сейчас пойду гулять по парку железнодорожников, то где целее будут мои деньги – в комнате или в кармане? Не приняв никакого решения, оставил всё на своих местах, то есть в кармане и направился в парк, от входа в который до вокзала было метров сто, не больше. А вообще забавно тут люди живут: парк, магазины, столовые – всё относится к железнодорожному ведомству. Не удивлюсь, если тут свои больницы, школы и специальная ведомственная милиция. Ага, а ГАИшники гоняют по улицам на дрезинах. На ручных, чтоб веселее было.

Парк оказался реально крутым – в нём была не только карусель с креслицами на цепях, но еще и качели! Качели в виде лодочек на две персоны, и вход по билетикам, двадцать копеек с носа. Казалось бы, хрен кто пойдет на такую развлекуху, но нет – катались, еще и все лодочки были заняты! Высоченные липы и лиственницы погружали территорию парка в полусумрак, не смотря на то, что на улице вроде еще достаточно светло. Но тут своя атмосфера: асфальтовый пяточок с фонтаном и обшарпанным мальчишкой-рыбаком посередке, пара тротуаров, пересекающих парк как оси абсциссы и ординаты, а всё остальное пространство – трава или голая земля по причине мощного затенения. Ах да, еще Карл Маркс и Купальщица с ребенком. Слава богу, эти трое составляют не одну скульптурную композицию, а разошлись чуть в стороны, охраняя подходы к рыбачку.

Но самым культовым местом тут видимо была клетка. Но

не та, в которой проводятся бои без правил, а танцплощадка. Пока пустая с бетонным напольным покрытием она вполне бы подошла для гладиаторских боёв со львами или даже медведями. Мощные стальные прутья, с навершиями в виде копейных наконечников намекали на сугубо декоративное назначение решетки. Но наличие сцены категорически отметало всякие мысли о боях, еще и деревянная ракушка над сценой обеспечивает максимальный акустический эффект на танцующих со стороны играющей на танцах рок-группы. Потом пришло понимание, рок-группы пока сюда не пускают, это место для вокально-инструментального ансамбля, не в то я живу время.

– Ага, интересно, а то время будет?

– Будет.

– И скоро?

– Не спеши, а то успеешь – ответили мне откуда-то из глубин моего сознания. И я «вспомнил», что точно, так и будет! Сплошной рок, техно, потом рейв, хип-хоп, ламбада какая-то или еще какая лабуда... Всё нормально будет с музыкальной жизнью страны под названием Советский Союз. Хорошо, но недолго, а если точнее, то всякая разная музыка останется, а Союза скоро не станет. Может, это из-за неё окаянной? Вот джинсы начали все носить, и ничего, а как рок богомерзкий заиграли, так сразу всё по одному месту и пошло. Мысли о накрывающейся медным тазом стране, как и воспоминания о родственниках вызвали какое-то грустное

чувство, но не сильно щемящее. А еще было непонятно, откуда я могу знать, что ожидает это государство. Но тут как с выигрышем в лотерею – просто знал, и точка. Я вообще себя ощущаю немного читером, причем не могу вспомнить, что это слово означает.

Ни на какие качели я не пошел, они хороши, когда девушка под рукой есть, вернее, когда ты под ручку с девушкой. Тогда можно и на качели-лодочки, и чтоб повыше, и чтоб широкий подол задорно развевался, являя взору коленки и бедра, что и есть главный стимул к раскачиванию, чтоб смех девичий как колокольчик, и улыбка обещала всё самое сладкое и запретное типа поцелуя около подъезда при прощании. А раз девушка не образовалась за тот день, что я провел в городке тотальных тружеников стальных магистралей, то и... то надо работать в данном направлении, а не сопли жевать. С другой стороны, кто местные порядки знает? Вдруг тут негласное правило для чужаков есть, мол ходи да оглядывайся, с чужими девками не заигрывай! А как узнаешь? Только методом проб и ошибок. Хороший метод, рабочий, но вот только ошибки порой выходят боком. Лучше я денек подожду, пооботрюсь в народе, глядишь своим стану, а тогда все девки мои будут! Хотя все не нужны, пары хватит, и то не одновременно. Как подсказывает чуйка, тут тройники пока не в почете у трудового народа.

Мороженое, купленное в парке за десять копеек, молочное в вафельном стаканчике оказалось не настолько вкус-

ным, чтобы захотелось повторить, но и не таким гадким, чтоб не доест, а ровно на свои десять копеек. Доедать его пришлось в классической позе выпивающего гусара – корпус наклонён вперед, согнутая рука на отлете параллельно грунту, при откусывании локоть максимально отставлен. Всё для того, чтобы потекшее сквозь размокшую вафельку мороженное не закапало штаны. Этот аттракцион оказался единственным, в котором Пётр принял участие сегодняшним вечером. А Пётр это я.

Еще через какое-то время с танцплощадки донеслись звуки настраиваемых музыкальных инструментов, все эти «разраз», трень-брень, дух-дудух-бздынь, без которых нельзя начать играть, если ты профессиональный музыкант. Я наблюдал за происходящим из тени деревьев с лавочки, тактически грамотно выбранной заранее. Я вижу всех, а на меня всем плевать. Жутко популярные песни исключительно на русском языке лились легко и непринужденно, словно ансамбль вообще никогда не запаривался по поводу качества исполняемых им хитов. А заодно и по поводу качества своего музицирования и вокала.

Народ подтянулся к клетке, но внутрь входить не решался, молодые люди не то что-то знали, не то ждали сигнала. И только на четвертой мелодии жиденский ручеек потек сквозь массивную калитку, обороняемую билетершей и милиционером от редких попыток отдельных неудачников прошмыгнуть без билета. А потом за дело принялись настоящие ге-

рои. В дальнем от входа углу они по одному приникали к решетке, замирали на некоторое время, следя за билетершей, а потом свечой взмывали вверх, на острые наконечники копий. Причем выглядело всё так, словно закон тяготения в том углу не работал. Пара секунд сидения на стальных жалах, а потом коршуном вниз, на танцпол! Такое ощущение, что среди страстных танцоров-любителей в этом городе аномально высок процент мазохистов-реконструкторов. Я бы ни за какие коврижки не согласился повергнуть свой зад риску быть насаженным на копье ради экономии полтинника. Но что я знаю про местные нравы? Да и Петр не знает тоже. Стойте, заболтался совсем – Петр это я и есть.

– Чего сидим в гордом одиночестве, кого ждем? – четверо парней явно не школьной наружности подошли к моей лавочке, судя по направлениям их взоров, вопрос был задан именно мне.

– Да вот сижу, жду вас, а то скучно так, поболтать не с кем.

– Чего такой смелый, а? Откуда сам будешь?

Мозг проанализировал все подходящие варианты ответов, как компьютер в башке Терминатора и выдал наиболее подходящий, с поправкой на мой не титановый скелет:

– Дембельнулся летом, приехал в ваш город друга навестить, жду вот. Он трепался, что примет как родного, да кабы его самого не приняли.

– А где служил, не в ВДВ часом?

– Не, в десантуру не взяли. Я по призыву толстый был, во-

енком испугался, что стропы порвутся у парашюта. Так что в ПВО загребли. Сам не летал и другим не давал.

– Два солдата из стройбата заменяют экскаватор... – прозвучало начало пароля.

– А солдат из ПВО заменяет хоть кого! – без запинки отчеканил я верный отзыв.

– А, ну давай тогда, жди своего кореша. Пошли, это нормальный пацан, наш.

И пока группа радетелей «за наших» уходила в темноту, я задумался: «Может, я уже реально стал нашим, может уже можно девчонок клеить? Или лучше подождать?»

– Конечно, лучше подождать. Тем более, что тебе подружку и вести некуда. Если только в комнату матери и ребенка. Тогда несовершеннолетнюю выбирай, чтоб её не погнали, если что. Скажешь, что с ребенком.

– Да пошел ты, тоже мне внутренний голос выискался, Гарик Харламов недоделанный.

Я сам не понял, кто такой Гарик Харламов, если Харламова Валерой звали, и почему он бульдог, тоже не понял. Но голос заткнулся, видимо он всё понял верно. А потом мы с моим внутренним голосом на пару решили расценивать наезд местных как сигнал и свалили в закат, вернее на вокзал в свои апартаменты. Зачем икать приключения тому, кто еще утром не мог понять, кто он вообще.

На следующий день в кадрах мне выдали новенькое удостоверение личности – корочки красного цвета с золотым

тиснёным гербом и надписью «Министерство путей сообщения СССР». Блин, если долго не демонстрировать, то такая ксива вполне себе сойдёт за ментовскую. Но только не в этом городе, тут они у каждого второго, народ в теме. Хорошо, что у меня среди документов оказалось в наличии несколько фотокарточек размером «три на четыре», это ускорило выдачу удостоверения. Спасибо тому, кто надоумил моё тело ехать к новому месту работы с запасом фоток на документы. Здесь быстро сделать их бы не получилось. Еще бы денег прошлый теловодитель побольше запас, было бы совсем здорово.

Следующим шагом на пути погружения в новую реальность стало оформление прописки и получение комнаты в общежитии. То есть сначала меня пытали насчет моего семейного положения, наличия детей и жены, потом шли телефонные переговоры с представителем какого-то ПЭМээСа. Переговоры прошли в дружеской атмосфере, по итогам которых мне была сначала разыграна на ладонях сценка под названием «Как пройти в общежитие», потом схема прохода была нарисована на бумажке. Рисунок получился достойный, на нем не хватало только изображений русалок и драконов. Ладно, смеяться над картографическими способностями гражданки Окороковой можно долго, но результат, вернее цель путешествия была достигнута. Едкий кто-то внутри прокомментировал томным женским голосом: «Вы приехали!» На входе висела вывеска, подтверждающая, что я попал в общежитие ПМС-102 МПС СССР. Совсем народ бзикнул-

ся на аббревиатурах.

Не знаю, как это происходит обычно, но выделение жилья в моём случае происходило по индивидуальному сценарию. Дело в том, что я подарил комендантше общежития, расплывшейся шарообразной тетушке по фамилии Бзенко портрет Владимира Ильича. Всё-таки эта страна до сих пор чтит и почитает своего умершего вождя и учителя как родного. Портреты основателя первого государства рабочих и крестьян обладают какой-то магией. В данном случае мне хватило портрета на фиолетовом фоне с двадцатью пятью магическими единицами. Результат порадовал – на втором этаже нашлась отдельная комната с собственным умывальником и туалетом. Офигеть, дорогие товарищи! Я даже боюсь представить, какой эффект оказал бы зелененький портрет в полста единиц. Опять же, для чего-то мне выдали в институте подъемные в размере шестьдесят рублей с копейками, то есть половина от оклада инженера станции, видимо они что-то знали.

Могли бы и больше дать, как пояснили в кассе. Компенсацию за проезд по железной дороге на всю семью, на отправку багажа и суточные в размере одна тридцатая от оклада в сутки, но не более рубля в день. Я аж поржал с такой формулировки. Ехать к месту назначения мне было шесть часов от силы, так что кроме половинки оклада и бесплатного билета уважаемому мне ничего не полагалось, увы. Или к счастью. Дальневосточная и Северная железная дорога тоже нужда-

ются в специалистах, но я туда не рвусь.

Да, двадцати пяти рублей было жалко, но что-то подсказывало мне, какой-то непонятно откуда взявшийся личный опыт, что жить одному гораздо лучше. И не стоит доверять детской песенке из мультфильма про «Жить на Земле нельзя одному ни мне, ни тебе, никому-никому...» Да хрен там! Я лучше один поживу в общаге, а вчетвером было слишком весело, пять лет веселился то с корейцем, то с вьетнамцем, то с кубинцем. Ого, память вроде возвращается! Точно, что-то помню, кубинец был классным парнем, кореец был наш советский алкаш и пятикурсник с солидным стажем пребывания на пятом курсе, а вьетнамец вызвал понимание причин американской агрессии против маленькой гордой страны.

Своя комната! Отдельная своя с замком и ключом! Собственная сральня в комплекте, прости господи! Моего восторга не поймет тот, кто не слонялся по комнатам, меняя этажи и соседей все пять лет учёбы. Потомки будут с ужасом слушать наши рассказы об ужасах проживания в...

– Угу, в будущем прямо всё в золоте. И у каждого студента апартаменты личные.

– А что, не так?

– В следующем веке твоя родная общага на улице Снежной будет заселена студентами с двойной плотностью.

– Да как так? Они что, на голове сидеть будут друг у дружки?

– Угадал, возьми с полки пирожок. Все койки будут

двухъярусные, так что в двухместные комнаты заселят по четыре человека, а в твою родную четырёхместную...

– Да ладно! Восемь студентов? Не поверю!

– Да не верь, мне пофигу.

– Погоди, внутренний голос, а как же остальные общежития, там кто жить будет?

– А остальные ректор сдаст в аренду. Бизнес, ничего личного кроме личного обогащения. Не на «Волге» же ему ездить.

– На «Мерседесе»?

– «Роллс-Ройс» – хорошая машина, подчеркивающая статус ректора ведущего ВУЗа страны.

– Пипец! Построили коммунизм для отдельно взятых граждан.

Заселившись, я снова побежал на станцию, но на этот раз уже не к кадровичке или главному начальнику, а к своему непосредственному командиру – заму по оперативной работе Валере Старцеву. То есть так-то он Валерий Батькович, но мы быстро нашли общих институтских знакомых. Тот же кореец Виталик Тхай, с которым я жил в одной комнате успел побывать и товарищем Старцева. Вместо ввода в профессию дежурного по станции мы полчаса ржали в его кабинете, вспоминая резонансные случаи из жизни факультета. Затронули и историю парней из стройотряда «Багульник», погибших недавно при строительстве БАМа. Стройка века, она без жертв не может, так что смеялись не всё время.

Новоприобретенный начальник вошел в положение и отпустил меня в Москву за оставленными там шмотками, и заодно поздравил с грамотным заселением в общагу. А потом намекнул, что отдельная комната – это здорово и даже полезно.

– Валер – не выдержал я – Да ты-то чего так доволен, неужто за меня так рад?

– Петь, что ты как ребенок! Кто у нас график дежурств составляет? Я!

– И что?

– Кто в курсе, когда тебе в день, а когда в ночь?

– Ты.

– Верно, дружище! Так кто будет водить баб в твою конуру, пока ты будешь в ночную смену ишачить?

– Да неужто ты?!

– Молодец, парень. С первого раза всё понял.

– Валер, я смотрю тебе общажные правила до сих пор душу греют.

– А то! Вот женишься, сам поймешь всю прелесть институтской жизни.

Вот и думай после такого разговора, хорошо ли иметь в начальниках друга или друга в начальниках... С другой стороны, в общаге мы так и жили, вспомнил я внезапно. Накатали картинки процесса сборов на свидание, когда открывались шкафы с одеждой всех проживающих в комнате и собиравался приличный шмот на героя-любовника. А потом в го-

лову пришли совсем интимные кадры, когда все соседи выселялись на время удачно сложившейся случки счастливица с какой-нибудь сокурсницей. И никто не пикал – таковы суровые правила мужской солидарности.

Глава 5. Начали!

Так бы сейчас и рванул в столицу за вещичками, не теряя время. Но нафига мне такие приключения на свой зад? Здесь у меня своё жилище, кровать и умывальник, а приеду в Москву на ночь глядя, и опять придется искать, у кого бы переночевать на птичьих правах. Не, уже не хочу. Я инженер и трудоустроенный молодой специалист с пропиской и красненькой корочкой, жить среди полунищих студиязов, по разным причинам не разъехавшимся из Москвы, мне неместно! Так что в Москву завтра с утра, и сразу обратно тем же днем. А пока пройдуся по магазинам, надо потихоньку обростать бытовыми мелочами.

В стране победившего социализма, как оказалось, я получил не только крышу над головой, под крышей была кровать с панцирной сеткой, подушкой и матрасом. Если не ошибаюсь, то в Москве среди личных вещей постельное бельё меня не дожидается, так что верняком надо его покупать. Кипятильник? Нет уж, лучше сразу плитку и чайник. И кастрюльку со сковородкой. Не знаю, как обстоят дела с другими жильцами тут, но в студенческой общаге оставлять готовящуюся пищу без присмотра было опасно. И стащить могли, и сам не раз забывал на включенной плите чайник или кастрюлю, так что всё-таки плитка нужна. Готовить в комнате не самый лучший вариант, жильё может пропахнуть едой,

но поверьте – это не самое страшное, чем она может пропахнуть. Лучше пусть комната провоняет луком, чем моим умершим от голода полуразложившимся худым тельцем.

День провел в трудах по обустройству, уборке и покупке нужных мелочей. Получилось неплохо, тем более, что руки чуть не сами помнили, что и как делается, мозг подсказывал, где посыпать соды, а где можно обойтись куском веревки. Несколько витков волосатой пеньковой веревочки вокруг крана и пять минут упорного пыхания превратили белого горбатого старичка над умывальником в хромированного молодца. Водопроводный кран так последний раз сиял еще на заводе после хромовой ванны, сто процентов.

На следующий день я встал не то что рано, а затемно. Поезд до Москвы отправляется в пять утра, а мне еще дверь изнутри покрасить надо. Пока по Москве шарюсь, краска высохнет, надеюсь. А еще надеюсь, что она не приклеит дверь намертво, не хотелось бы оказаться в ситуации, когда придется выламывать свежеекрашенную дверь. Постоял, подумал над вариантами, гарантированно не позволившими двери приклеиться к косяку, и нашел оптимальный: лечь поспать еще полчаса и не маяться дурью спозаранку. И знаете, у меня получилось! А дверь покрашу потом, как-нибудь выберу время, сниму с петель и покрашу. Можно было бы и так оставить, но краска куплена, надо будет куда-то вымазать её.

Москва показалась одновременно знакомой и не очень.

Вроде бы привычные улицы, но стоит остановиться и всмотреться, тут же внимательный взгляд рождает странный эффект: улицы словно в кино с сильно-сильно ускоренной перемоткой меняются. Сначала они становятся грязными и неухоженными, потом на некоторые выплескивается толпа неряшливых унылых торговцев как на блошиных рынках, еще мгновение, продаваны исчезают, всё пространство оказывается завешенным рекламой во много ярусов, проезжая часть оказывается забита машинами, автомобили становятся всё новее и дороже, сами улицы становятся чистыми и красивыми, исчезает реклама и даже провода в воздухе... Наваждение проходит, если помотать головой или перестать торчать на одном месте. Каким-то седьмым чувством я понимаю, что определенная часть меня видела все эти метаморфозы, жила в них.

Странно, разве можно жить одновременно в нескольких временных слоях? А еще возникло понимание, что надо аккуратнее пользоваться воспоминаниями, некоторые объекты, которые я знаю, еще не существуют, они из другого времени. А кое-какие люди сейчас не те, кем станут в будущем. Хотя с людьми всё и так ясно – любой человек через десяток-другой лет становится не тем, кем был. Ну не любой, почти любой. Те же парни, дежурные по станции, которых я увидел в первый день на Сортировке, и через двадцать лет будут сидеть на тех же рабочих местах. И через тридцать, пока на пенсию не уйдут. Жуть какая, неужели на самом деле

можно тридцать лет проработать в одной организации в одной должности? Как учителя, как машинисты, как... да много кто так живет. Я не такой.

А я какой? Поживём – увидим. Если разобраться, я в своём нынешнем если не виде, то сознании живу в этом мире первую неделю, глупо составлять о себе мнение по двум-трем дням. Первый шаг только сделан или почти сделан. Так что долой раздумья о своей судьбе! Пару часов всего побегал по общежитию в поисках человека, обещавшего сбросить мои шмотки, забрал большущую сумку с одеждой, бытовой мелочёвкой и парой книжек, в том числе на глаза попался еще шестидесятых годов издания «Справочник эксплуатационника». О! Эту книжку Петру выдал его отец, тоже железнодорожник, всю жизнь проработавший в системе МПС и продолжающий там трудиться. А это что? Тут еще и фотоаппарат! Я что, фотограф-любитель? «Зенит-ЕТ», лучший из худших или худший из лучших? Память подкидывает информацию, что механизм неплох, оптика средняя, а если сравнивать с мыльницами цифровой эры, то объективы вообще супер. Вот только матрица подкачала. В смысле плёнка, кадр двадцать четыре на тридцать шесть миллиметров не обеспечивает приемлемого разрешения, стоит увеличить снимок до формата листа А4, и всё, от зерна не избавиться. Ну и зачем мне такой аппарат? В темноте не снимает, на пленке всего тридцать шесть кадров, естественного цвета сейчас на любительских материалах вообще не добиться...

Может продать его? Потом будет видно, пока беру все вещи и еду домой. Опачки, домой –теперь это на Сортировку!

Первая смена на новой работе, вернее на первом рабочем месте в моей такой коротенькой жизни. Планёрка перед сменой, вместо задания на день нам прочитали телеграммы по случаям нарушения правил охраны труда и безопасности движения. Ну, тоже нужно, наверное. А то вдруг кто-то из составителей забудет, что фраза «Гвозди бы делать из этих людей» не канает на его работе – под колесом вагона и гвоздь превращается в плоскую пластинку.

– Фролов, для начала рекомендую изучить нормативную документацию, в соответствии с которой работает станция, ну и дежурный, соответственно. ДЭэСПэ – сменный помощник начальника и оперативный командир смены.

– Короче, Склифосовский! – что-то Старцева на словеса потянуло. Или так и надо?

– А короче не получится. Вот технико-распорядительный акт станции, вот инструкции по обслуживанию подъездных путей, регламент переговоров по радиосвязи, журнал осмотра устройств станции, журнал комиссионного осмотра...

С каждой фразой стопа книг, журналов и папок с подшитыми документами увеличивалась и увеличивалась, достигая уже чуть ли не метровой высоты.

– ... и наконец действующие приказы и телеграммы по Московской дороге и сети МПС. Всё это изучать будешь здесь. А в свободное время, Петя, учи Инструкцию по дви-

жению поездов и маневровой работе, Правила технической эксплуатации дорог, Инструкцию по сигнализации. В библиотеке получишь, только запишись сначала.

– В свободное время?

– Ну да, между сменами. А как всё выучишь, сдашь экзамены по устройству станции, организации работы, по всем инструкциям, регламентам, приказам и телеграммам. А потом шесть смен под контролем – и ты полноправный дежурный. Нос первого раза никто не сдаёт – такое правило.

Где-то в затылке сильно зачесалось, два дежурных по станции средних лет отвлеклись от управления на целых полминуты и весело лыбились. Причем улыбки выглядели настолько кровожадно, что я понял – всё сказанное не шутка, так было до меня, так будет со мной. Кажется, это действительно инженерная должность.

– Товарищ Старцев, какой вы после этого товарищ? У меня ж голова сломается.

– Тогда в станционные рабочие. Со сломанной головой ты далеко не уйдешь.

– Да шучу я, нормальная тема! К кому меня прикрепите?

– Да вот с Юдиным будешь работать, давно у него учеников не было, заотдыхался Владимир.

– А чего сразу мне-то?

– У тебя крыло попроще, твой парк «Б» не такой запутанный, а к парку «С» локомотивное депо примыкает. И вообще, приятно так, сам знаешь. Или надбавка за наставничество

тебе лишняя? – заместитель начальника станции спокойно, но планомерно дожимал строптивного дежурного по станции, не выказавшего охоты стать моим учителем.

– Не лишние. Только доплата копеешная в сравнении с нервами, что этот твой знакомец мне попьёт.

– Не бойсь, Владимир Федорович! Я страсть какой смысленный!

– Как Филипок?

– Точно! Сам не заметишь, как экзамены сдам.

– Ну смотри, ты обещался, ученик. А для начала ноги в руки и...

– Не, сначала я с ТРА станции ознакомлюсь, потом остальные документы вычитаю.

– Да что ты там поймешь?

– У меня высшее образование, я не с улицы пришел. – А вот эта моя фраза Владимиру не понравилась. Видать, не все здесь с институтскими дипломами, сильно не все.

Да уж, не маленькая станция, одно слово – сортировка. Сюда приходят грузовые поезда с четырех направлений, вагоны перетасовываются как пасьянсы на нескольких колодах, а потом уходят во вновь сформированных поездах в разные стороны. В Купянск на Украину, в Венспилс на Латвию, поближе на Москву, Тулу, Елец... тысячи вагонов ежедневно обрабатывает и отправляет станция. Для непосвященного в эту кухню человека кажется, что главное в работе железнодорожников – перевозка пассажиров. А на самом деле осно-

ва основ грузовые перевозки, это и более девяносто процентов всех усилий, и более ста процентов доходов. Более ста, потому как возить нас хороших железнодорожному транспорту обходится дороже, чем мы платим за билет. Деньги от доходов за грузоперевозки покрывают убытки от пассажирского движения.

Как ни странно, но информация, получаемая из многочисленных документов на удивление складно ложилась в мою голову. Вообще, порой появлялось чувство, что раньше я, ну или некая часть меня работала в схожих условиях. Чуть ли не дежурным по сортировочной станции, пусть и не этой, но похожей по размерам.

– Эй, специалист, ты там хоть чего понимаешь? Зачитался, притих как мышь под веником – не удержался Юдин.

Я уже более шести часов сидел за спинами дежурных рядом с девушкой оператором и вглядывался то в нормативные документы, то на пульт. Действительно, глубоко погрузился. И задницу отсидел, и ноги затекли, и на мочевой пузырь давит. Надо пройтись размяться. Только отвечу, чтоб не приняли за невоспитанного или высокомерного человека.

– Да чего тут не понимать, станция как прочие, никакого космоса с черными дырами или бермудских треугольников пока не нашел.

– Ха! Это верно, что пока. погоди, начнёшь сам работать, будут тебе и черные дыры, и треугольник как минимум один. На грузовой двор маневровый тепловоз пошлешь, и всё – с

концами!

– Это как?

– А на грузовом дворе нет над ним нашей власти. Там только составитель решает, что нужно делать и как долго он будет переставлять вагоны. И стрелки ручные, и пути не централизованные.

– Это я еще не дошёл до грузового двора.

– То-то! А то ишь, станция ему не космос... Так и ты не Гагарин поди.

Да, в дневную смену работать нормально, хоть и долгое это дело – двенадцатичасовая смена. Ладно я, сижу сзади да документацию изучаю, а вот дядьки всю смену не умолкают: дают задания, проверяют правильность восприятия команд, да всё не своими словами, а строго по регламенту. Ну как строго, не без вольностей, но в пределах разумного. Только что досталось на орехи Ленке – оператору при дежурном. Она отвлеклась на доклад по селектору поезвному диспетчеру и не услышала команду Юдина машинисту поезда на осаживание состава. Ух как он разорался!

– Ты что, овца тупая, не объявила по громкой связи, поезд вагонами вперед пошел! А вдруг подавим кого на парке!

– Вы не говорили мне!

– Ты должна была слышать, как я команду машинисту отдал!

– Я с диспетчером разговаривала!

– У тебя два уха! Одним в трубку, другим меня слушаешь,

третьим Курдюкова! Чтоб последний раз!

– Я сейчас объявлю.

– Сиди уже! Я сам объявил.

– Так какого...

– А для порядка, чтоб не спала. И в глаза мне смотри!

– Так вы ж ко мне спиной сидите, Владимир Федорович.

И вообще, не кричите на меня, я вам не жена.

– Выкручивайся как-то, ты оператор. Это как жена, только на двенадцать часов и за зарплату.

Реально, дежурные слушают эфир по трем каналам, диспетчеров, оператора, дежурных стрелочных постов, друг друга, рассказывают анекдоты в свободное время, да еще мне ухитряются пояснять свои действия. Гай Юлий Цезарь рядом с этими монстрами выглядел бы бледно. Опять же про него рассказывают, что он мог делать три дела одновременно, но никто не уточняет, с каким результатом. А тот правитель вполне мог так косячить, что простым смертным и не снилось. Да что мог – точно напортачил сильно, его ж подчиненные зарезали прямо на рабочем месте за что-то. Наверняка за косяки.

Первая ночная смена далась мне с диким напрягом – после двух часов ночи я перепробовал всё – попить водички, умыться холодной водой, выйти на улицу подышать и сделать зарядку, отжаться раз двадцать. Бодрости не прибавляло ничего. Зато объявления по громкой связи для работающих на парках в ночи звучали особенно громко. А ближе

к трём часам дежурные подговорили Ленку почитать «Отче наш». Оказалось, что так здесь называют памятку по охране труда, и читать её положено днем. Зачитываемые ночью правила означают, что на станцию с проверкой заявилось начальство.

– Вот пусть теперь побегают, а то забились по норам, храповицкого дают – ржет Юдин.

– Ленка, тебе не стыдно, народ же пугаешь своей молитвой – добавляет Курдюков.

– Так вы ж сами велели читать!

– А ты и рада поиздеваться над народом.

– Да тьфу на вас!

– Это мы еще сирену не включали.

– Окститесь, половину же города перебудите.

– Да ладно, не буду.

Оказалось, что в помещении поста управления станцией висит рубильник от сирены оповещения всего железнодорожного узла о воздушной тревоге. Раз в год её положено проверять, но даты проверки нигде не расписаны. Так что скучающие командиры станции иногда включают её просто так, якобы для проверки. А весь город вздрагивает в непонятках – это так весело! Я только одного не могу понять – когда эти люди успевают заскучать с таким ритмом работы.

Офигеть! Я с трудом додержался до восьми утра, чтоб свалить домой и не свалиться по пути, но мне объяснили – это еще не конец, сваливать рано. После ночного дежурства ру-

ководство смены в лице двух дежурных по станции и двух маневровых диспетчеров остаётся на доклад о прошедшей ночи. Что успели к дневной смене подготовить, как сработали, где накосячили, ладно ли с дисциплиной. И главным в смене является не дежурный, как мне заливали, а именно маневровый диспетчер. Понял, запомню – не всему тут можно верить, старшие товарищи порой пускают дезу. Но принципиально не понравилось другое – с учетом предсменного инструктажа и утреннего доклада трудовая ночь у командиров-движенцев длится не двенадцать, а все тринадцать часов. Мой тяжелый вздох развеселил коллег, заканчивали доклад мы на веселой ноте.

– Молодой, ты с нами после смены пивка засадишь? Тут по пути.

– Вы офигели! Да я сейчас прямо на ступенях упаду и засну.

– Да, слабая пошла молодежь, пойдем составителей покличем, как раз небось помылись и выходят.

Блин, я чего-то не понимаю! Как так? Одни всю ночь, не закрывая ртов управляли процессом, другие всю ночь висели на вагонах, расцепляли вагоны, бегали по щебенке... а потом пить пиво? Этот народ не победить!

Глава 6. На путях

Проснулся в своей комнате ближе к вечеру голодным невыспавшимся и с тяжелой башкой. Организм, шокированный такими условиями труда, после отработанной смены на последнем издыхании дополз до койки, а потом упал на неё и, сука такая, не мог заснуть часа два! За что?!

– Хренов мозг, ты устал? Так спи, чего тебе надо? – А он такой:

– Я слишком устал, чтоб нормально отдыхать. Ты издевался надо мной, теперь моя очередь продемонстрировать тебе, Петр, всю гнусность твоего поведения. Мучайся и запомни. Еще одна такая ночь...

– Идиотский организм, да у меня впереди годы такого труда! Каждая вторая смена будет ночная. Привыкай, ты не на курорте.

– Мне такой график не подходит, Петр. Сделай что-нибудь.

– Спи уже, организм!

И он заснул. Я тоже, но пару часов мы с ним упустили. Проснувшись ближе к вечеру, задался вопросом: «А сколько сейчас времени? А то дома из пожрать всё настолько скромно, что постыющийся монах бы всплакнул» И я еще не знаю, когда закрываются местные продуктовые магазины. Это такая эпоха, где «Всё на благо человека и всё во имя челове-

ка». А раз продавец тоже человек, то магазины закрываются где-то в восемь вечера, где-то в девять. А тот круглосуточный дежурный магазин, в который Семен Семеныч Горбунков ездил на такси, остался в комедии Гайдая. Память подсказывает – в этом городе, а заодно и во всей области ни одного дежурного магазина нет.

Отоспавшись и кое-как придя в себя я неожиданно выяснил, что выходной закончился, и завтра опять надо идти на смену. Постойте! У меня после ночи по графику двое суток отдыха, где они? Начал икать их с помощью календарика и выяснил, что первые сутки я банально продрых, а вторые чесал пузо, отходя от двух смен на станции.

– Как же тяжело работать, народ! И что, мне теперь всю жизнь корячиться? – Но изнутри кто-то добрый и родной начал успокаивать:

– Да ты не истери, пообвыкнешь, втянешься со временем, все так живут и ничего...

– А я может не хочу, чтоб «ничего», я хочу долго и счастливо, такого варианта нет?

– Парень, ну ты же не в сказку попал. Да и в сказке не всё радужно бывает. Хорошо, если ты тот рыцарь, который победил дракона. А если окажешься в том десятке, который он до этого проглотил? Да и про Иванушку-дурачка сказка с подвохом.

– А там-то что не так?

– У Ивана старшие братья тоже в сказке жили. Братья сея-

ли пшеницу да возили в град-столицу. Так они её всю жизнь и сеяли, жали, молотили... заработали себе радикулит и артрит, а потом от старости померли.

Состоявшийся разговор с самим собой окончательно укрепил меня в мысли, что всю жизнь дежурным по станции я работать не буду. Надо расти, делать карьеру. Вот только как? Самый простой вариант – быть родственником начальства, начальничьи детки растут быстро. Не мой вариант, его надо реализовывать еще до рождения. Ладно, что дальше? Постепенно стать родственником начальника. А поскольку усыновление в моём возрасте да при живых родителях не канает, в родственники пролезть можно только через постель. Через личное пространство дочки большого начальника, если точнее. Ну... вариант рабочий, но как-то мне не очень, тем более, что большие начальники живут не в этом городе. И последний вариант – старательно и упорно трудиться, чтоб заметили, сказали: «Ой какой хороший мальчик, давайте его приподнимем» – тоже так себе вариант, прежде всего потому, что требует дофига усилий, времени и результат может не порадовать. Приподнимут куда-нибудь, да там и бросят в приподнятом состоянии. Потому что сын у начальства подрастёт, дочка замуж выйдет за оболтуса, которого тоже надо двигать. Так что нет, терпение и труд никуда не приведут.

В дневную смену меня отправили кататься. Изучать станцию своими глазами, без этого нормально работать не получится, так сказал наставник, подтвердил Старцев, одобрил

внутренний голос. Начальник станции при оформлении на работу вообще предлагал полгода поработать составителем, но это уже перебор, а то и беспредел. Если я что-то понимаю, а что-то я очень хорошо понимаю, то работа эта не только очень тяжелая, но пипец какая опасная! Опаснее, чем у монтажника-высотника или такелажника в порту.

Катался я на подменном маневровом тепловозе, чем-то напоминающем катер-буксир в порту. По всему периметру локомотива располагаются трапы с перилами по пояс, так что ехать можно было не в кабине, а практически на открытой палубе, держась за поручни. Волн не наблюдалось, но всё равно лучше было держаться, поскольку на поворотах, вернее в кривых ощутимо мотало, еще и ветер в лицо – романтика, блин! И гудки, гудки это вообще нечто особенное! Каждую команду составителя машинист обязан дублировать соответствующим сигналом, состоящим из длинных и коротких гудков. Это делается, чтоб составитель контролировал правильность восприятия команд. На рацию надейся, но держи в голове – в любой момент может откзать.

Кстати, удивительное дело, руководителем маневров считается и является составитель, крепко бухающий субъект без образования с рацией через плечо, а не машинист, обладатель высшей рабочей квалификации, выучивший свою машину «от и до», получающий приличную зарплату. Хотя да, в Союзе уровень зарплаты со статусом руководителя никак не коррелируется. Пожалуй, у начальника большой станции

она не выше, чем у машиниста. А на станции скромной, начальник получает заметно меньше, и высшее образование вообще не залог хорошего заработка. Человек, выбравший путь инженера сможет обогнать своих сверстников по уровню доходов только через много лет, и то при очень большом везении.

Так вот, составитель – в маневровой бригаде не только глаза и уши, он еще и мозг. Он определяет как, когда и что локомотив будет переставлять. Параллельно он сцепляет и расцепляет вагоны, подкладывает и убирает тормозные башмаки, включает в группе вагонов тормоза, осматривает вагоны на предмет их исправности и готовности к перестановке. Как такие важные вещи можно доверить такому бухарику? Так больше некому, он на поле порой единственный представитель славного племени движенцев – командиров отрасли. А то, что пьёт не по-детски, так у него и выбора особого нет.

Прикиньте, ночью зимой в метель при температуре, скажем, минус пятнадцать, этот работяга всю смену провисит на поручне головного вагона, вглядываясь в снежную пелену и резкие тени, если район станции освещен. А если фонарей над головой нет, то этот же составитель вынужден освещать дорогу ручным фонариком. Как он это делает, если одной рукой держится за поручень, а второй сжимает тангенту микрофона своей переносной радиостанции, какой конечностью держит фонарь? Провисев смену на морозе прижавшись к ледяному боку вагона, бедный составитель просто не может

не принять на грудь, иначе заболеет. А ежели он заболеет и не сможет выйти на работу, на его место в свой выходной должен будет встать товарищ, поскольку станция не может остановиться ни на час. Так что кто не выпил после работы – нарушитель дисциплины и затаившийся враг.

Всё это я «вспоминал» и заново осознавал, катаясь на площадке тепловоза и наблюдая за маневрами, знакомясь со спецификой работы, сравнивая, как выглядит в натуре станция, которую я наблюдал на пульте дежурного в виде дорожек огоньков.

– Петь, подтащи башмаки, сейчас состав закреплять будем!

– Не положено!

– Борзый или лень не позволяет?

– Без желтухи по путям ходить не имею право! – сигнальный жилет скорее оранжевый, но его всё равно называют желтухой. И да, я реально не имею права ходить по путям без жилета. Это как каска на стройке или заводе – от плиты не спасёт, но должна быть на голове.

– Хрен с тобой, золотая рыбка, попросишь у меня пятерку до зарплаты!

– Кто на что учился! Не дай бог кто увидит из ревизоров, потом проблем не оберемся. И вставят не только мне, но и начальству. А оно потом распределит по всем, тебе такое надо?

– Ладно, сиди на тепловозе!

Опасная работа у составителя, чего там говорить. Особенно страшно, когда его начинают подгонять дежурные по производственной необходимости, тогда нестойкий работяга реально ускоряется, начинает нарушать технику безопасности, упрощать свои действия. Вот тут и до беды недалеко. Там не обошел хвост состава за три метра, тут вообще подлез под вагонами, где-то не подложил башмак под колесо... Беда ходит рядом, чем чаще человек упрощает, тем выше вероятность травмы или брака в работе.

А знаете, что такое брак в поездной работе? Вполне официально браком называют сход вагонов с рельс или серьезное повреждение вагонов и локомотивов. То есть если сравнить брак у токаря и брак у составителя или дежурного по станции, то выглядеть они будут по-разному. В одном случае это шпилька не того диаметра, а в другом – вагоны с углем, лежащие на боку.

Катаюсь всю смену, ничего не записываю, просто запоминаю особенности и нюансы. Запах разогретого огромного дизеля под боком по неведомой причине доставляет удовольствие, его рев совершенно не мешает радоваться жизни. В голове всплывает слово «романтика», весьма неожиданно и даже странно. Какая может быть романтика в функционировании большого механизма, чья работа направлена на сортировку вагонов? И да, под понятием «механизм» я имею в виду всю сортировочную станцию. Маяковский бы оценил масштаб и размах, написал бы что-нибудь эдакое, а я так не

умею.

И вообще, время романтиков ушло, сейчас время прагматиков, циников и приспособленцев. Или прагматик и приспособленец, это одно и то же? Нет, есть нюансы, приспособленец стремится выжить при любом раскладе, а прагматик старается любой расклад заставить приносить пользу. Прагматику лучше, он не идет на компромисс с реальностью, он с ней торгуется, причем успешно. Так что запишите меня в прагматики. Как нет записи? Блин, засада! Кто-то внутренний противным голосом подсказывает, что тип мышления должен быть соответствующим, мол каждый сам определяет свой стиль поведения, и отношения с миром тоже каждый выбирает те, на какие способен. Так что, если я хочу хорошо встроиться в этот мир, надо брать в руки инструмент и встраиваться. Раз уж не смог родиться в семье товарища Паристого – начальника Московской железной дороги. Вот его сыном небось хорошо быть, сразу и стартовый капитал, и условия для роста.

– Вот кому совершенно не стоит завидовать.

– Ты о чем?

– Его убьют через двадцать лет. Сына Паристого. Того, у которого всё здорово, который родился у правильного человека.

– За что?

– За бизнес. Тёрки по работе. Сам понимаешь, передел собственности, источники доходов...

– Да уж, внутренний голос, умеешь ты успокоить. Слыхал я, что дикий капитализм не зря диким называют. Убедил, не пойду в дети больших начальников. В смысле, в зятя не пойду. А то тоже грохнут и разбираться не станут, что я не родной.

Получается, что не всегда хорошо там, где хорошо сейчас. А еще вдруг показалось, что я как бревно плыву по течению. Увидел распределение на руках и пошел как телок туда, куда распределили, и оформился на ту должность, на какую поставили. Хотя нет, воде чуток подергался. Всё равно, не очень активная жизненная позиция у меня. Надо решить, что мне надо и добиваться поставленных целей. А что надо? Жильё, еда нужна, одежда, легитимность. Вроде всё есть, разве не так? Чего загоняться сверх меры. Учусь на дежурного по внеклассной сортировочной станции, наработаю опыт, стану нужным специалистом с правильным послужным списком. Таким кадрам даже в лихие девяностые квалификация позволит на хлеб заработать, правда без масла.

В очередной раз в голове прозвучали мысли про беспросветную муть впереди. Это плохо, то есть хорошо, что предупрежден, плохо, что так и будет. А еще я понимаю, что пока лично мне в ближайшей перспективе впрямь можно особо не дергаться – за жильё в выделенном общежитии берут такие копейки, на еду и одежду зарплаты хватит. Если, вернее, когда сдам экзамен и стану полноценным дежурным, зарплата будет полная и премия пойдет, одному на жизнь хватит.

Один оклад две сотни, а на него еще ночные, а еще премия... Хотя с ночными я маху дал, там только звучит красиво, мол пятнадцать процентов. Но эти проценты не на оклад умножаются, не на ночные смены, а исключительно на ночное время, так что при всей тяжести сменного графика работы, особенно с непривычки, надбавка выходит не более десятки в месяц. А премию получать – надо постараться выполнить месячное задание и не упороть косяка типа схода и не попасть под проверку ревизора. Не сделал в журнале нужную запись или не то время проставил, и готово нарушение!

Но всё равно, три сотни вполне можно получать на руки, а одному с такими деньгами жить можно, еще и на развлечения останется. Вот только с развлечениями в городке под названием Новоузловск не очень хорошо. Танцы, алкоголь и телевизор. Ах да, еще в библиотеке книжки можно брать художественные. И в Москву ездить за впечатлениями, благо не сильно далеко. А скоро в продаже появятся видеомагнитофоны по цене подержанной машины и видеокассеты с иностранными фильмами никакого качества по цене отечественного мужского костюма, вот культура-то попрёт! Весело, хоть в городскую самодеятельность записывайся. А кстати, вариант. Гитарой управлять я могу, если не ошибаюсь. Но тут того, надо пробовать. Ровно как в анекдоте:

– Вы на скрипке играть умеете?

– Не знаю, не пробовал.

При воспоминании о гитаре пальцы сделал характерные

движения, руки чуть согнулись в локте. Ага, помнят руки! Причем такое помнят, какое тут еще не играют, так что вполне смогу что-то изобразить. Наверное.

Тепловоз ощутимо тряхнуло в переводной кривой очередной стрелки, которую мы проезжали, так что меня выкинуло из раздумий и почти сбросило с площадки. Эге, надо держаться, а не в облаках витать! Тепловоз заехал на грузовой двор, всем известное проклятое место, где дежурный не видел происходящего и не контролировал маневровую бригаду. И да, это стоило увидеть, особенно мне, молодому специалисту.

На путях грузового двора в полный рост шли маневры. Составитель постоянно отдавал в эфир команды по радиостанции: «Потише!», «Осаживай!», «На два вагона, на вагон, остановка!», «Нажми на башмак» и всякие прочие, позволяющие представить, чем они с машинистом занимаются. Машинист каждую команду дублировал в полном соответствии с регламентом переговоров при маневрах, еще и свистками отвечал. Вот только мои глаза, когда мы въехали на соседний путь, выдали совершенно иную картинку: составитель лежал на травке с закрытыми глазами и периодически кидал в мировой эфир команды, а маневрушка, которой он командовал всё это время стояла неподалеку в заглушенном состоянии, машинист сидел у окошка, подперев голову рукой, а второй он в такой же полудреме жал на тангенту, повторяя команды. Да еще и гудки в воздух подавал. Я просто офигел, как

можно спать и при этом имитировать регламент? Как можно спать и гудеть в это же время, не просыпаясь, не подпрыгивая, когда над ухом свистит целый локомотив, да даже не вздрагивая при этом?! Как можно делать кучу всяких дел, не приходя в сознание? Вот что значит опыт!

Вот на кого надо ровняться. А ведь составитель небось еще и поддатый, подумал я. И что делать? Сообщать дежурному? Прикроет товарища, а мне с такой репутацией стукача уже не сработаться с коллективом. Сообщить Старцеву? Прикроет залетчика, чтоб самому без премии не остаться, а я опять попаду в стукачи. Но просто так оставлять это нельзя – человек сам может попасть под колеса, а может коллег подвести. Сказано же – составитель глаза и даже мозг машиниста при маневрах. Ну вас нафиг, пойду я к дежурному по станции, пусть он думает.

Глава 7. Своими руками

Сижу такой на подоконнике в конце коридора, птичек слушаю, а вместо чириканья птичек в левое ухо сыпется стружка, снимаемая с составителя, которого я сдал начальнику смены, маневровому диспетчеру парка С:

– Петровичев, ты совсем охренел! Тебя сколько раз предупреждать надо, чтобы ты на работе на жрал?!

– Я что песни пою или качаюсь? Ты меня на рапорт не водил, так что попрошу!

– Да пофигу, что ты не качаешься. Один раз, пойми, один раз всего колесо по тебе проедет, и тебя не будет. Да и хрен с тобой, сдохнешь, никто не заплачет, так ведь через тебя куча людей пострадает.

– За жопу свою боишься?

– А хоть бы и так, что тогда? Это последний раз был, когда я тебя прикрыл.

– Понял, проехали. Ну и гнида же этот ваш Фролов. В первый же раз как увидел, сразу заложил начальству.

– Какому такому начальству он тебя заложил? Мне? Так я с ним через месяц в ровнях буду, а через год он моим начальником станет, идиот ты такой! – Я слушал Василия Ивановича Шведова и сам тихо офигевал. Оказывается, тут меня уже взвесили, измерили и расписали как разборку в парке прибытия. В смысле, как поезд, пришедший в расформиро-

вание.

– Чего это? Почему начальством?

– Да видно по нему. Грамотный, непьющий, с руководством станции вась-вась, сразу видать: из одной с ними коды. Особа, приближенная к императору.

– Да и хрен с ним. На мой век работы хватит. Выгонит ежели потом, пойду в депо составителем. У нас рабочему человеку везде почет. Чо, говоришь, он выше не будет докладывать?

– В этот раз не будет, пока все расклады не изучил. А потом я и сам тебя за шкирбон и Шафоросту отведу, не нужен мне бухарик в смене.

Нехорошо будет, если меня запалят на окошке, получится, что я разговор подслушивал. Хотя я на самом деле его подслушал, но без инициативы со своей стороны. Чтоб составитель не прихватил меня на этом деле, слез с подоконника и зашел в соседнее помещение – пневмопочту. Пневмопочта – супер-сооружение, известное еще с конца прошлого века. Всякие навороченные американские бизнесмены с помощью труб, опоясывавших здания, и сжатого воздуха пересылали друг дружке всякие записочки и свернутые в трубочку документки в цилиндриках. Видать с тех пор появилось выражение насчет «сверни свою бумажку в трубочку и засунь сам знаешь куда».

Так вот это не то! Вместо трехсантиметрового диаметра цилиндриков на нашей станции применяются гильзы калиб-

ра сто пятьдесят два миллиметра, а трубы соединяют между собой самые разные здания и посты на территории станции, разнесенные между собой на километры. Забавно смотреть, как гренадерского роста работница технической конторы набивает такой цилиндр пачкой документов, заряжает в пушку, задраивает казенник винтовым замком, а потом стреляет, ударив по красной кнопке кулаком. Трах-бабах, попала! А после грохота выстрела опять тишина, вернее шипение, с которым стравливается воздух или заряжается новая порция, я не знаю нюансов. Выглядит настолько эпично, что на ум приходит орудийная башня главного калибра на каком-нибудь линкоре.

Да уж, на сортировочной станции всё подчинено одной цели, вернее двум – побыстрее и побольше. Побыстрее отправить пришедший вагон в нужном направлении, и побольше этих вагонов выпихнуть за смену. Здесь даже документы на вагоны, которые машинист везет в своей кабине, он не передаёт под роспись после остановки в парке прибытия, а бросает из окошка тепловоза прямо на ходу в специальную корзину, точно баскетболист. И не дай бог промажет! В прошлую смену один косорукий ухитрился связку документов размером с полено и весом в три кило загнать под свои же колеса... Вагонные листы, накладные, дорожные ведомости разметало по парку так, что потом час собирала специально обученная тетенька техконторская вместе с самим машинистом. Так бы помощника послать, но тут есть неписаное пра-

вило : «накосячил, разгребай». Баба плачет, машинист плачет, диспетчер плачет – у него без тех вагонов поезд не собрался, а без документов вагоны отправлять нельзя.

Задумался, а уже и смена к концу. На тепловозе кататься здорово! И спать не хочется, когда стоишь на палубе, да окружающий мир разглядываешь. Но завтра в ночь, опять бороться со сном и впитывать нюансы профессии.

Через полмесяца я уже худо-бедно втянулся в ритм дневных и ночных дежурств, так что даже свободное время начало появляться. Не так, чтобы совсем «Ух!», но в цепочке «день-ночь-отсыпной-выходной» этот самый выходной замаячил свободой. А потом вообще случилась лафа – укороченная рабочая неделя для дежурных внеклассных станций обернулась сразу двумя внеграфиковыми выходными. Так или иначе, а аж четыре нерабочих дня подряд нарисовались, хочешь, на диване валяйся, а хочешь, езжай в Москву разгонять тоску. Ага, всё брошу и поеду, особенно сейчас, когда фестиваль молодежи и студентов в полный рост проходит в столице. Весело, но только тем, у кого компания, кто тусит с корешами на этом самом фестивале, а не в одиночку ходит.

Так что нет, не поеду. Да я лучше в автошколу запишусь, вот только денег жалко. Машины пока нет, а тратить на права сто тридцать рублей, не будучи уверенным в том, что они пригодятся... Лучше на эти деньги купить проигрыватель или телевизор черно-белый. А то живу в информационном вакууме. Умрет очередной вождь, а я и не в курсе. Хотя с

телевизором слегка погорячился, за такие деньги только подержанный в комиссионке стоит и пылится, а за новый чуть не три сотни просят. Не готов отдавать триста рублей за это чудо, да еще и от комнатной антенны будет работать, а там картинка такая, что толи угадаешь, что показывают, толи нет. Удивительное дело, когда денег нет совсем, смотришь на полки магазинов и думаешь: «Вот это бы купил, и вот это, а еще то. А вон та штука вообще реально нужная». А потом деньги оказываются в руках, как раз нужная сумма, и чешешь в затылке: «Нет, на это жалко, без той штуки я раньше обходился, и дальше обойдусь. А вот это надо бы взять. Но если добавить еще тридцатку, а лучше полтос, то можно не это взять, а вон то, которое классом повыше. Но полтинника нет, так что я подожду пока». И уходишь из магазина без покупок, зато с деньгами. Может я один такой, может я просто жадный?

Нет, жадный, это который другим жалеет что-то дать, а кто на себя жмётся потратиться, тот Плюшкин. Нехорошо быть таким, чем меньше тратить, лучше больше зарабатывать. Только где и как? Внутренний голос подсказывает, что все варианты добычи реальных бабок в эти времена или гнилые, или на грани закона. Заработать много нельзя, много можно только украсть. И то не факт, что к тебе на выручку не придут. Чуть только приподнимешься в финансовом плане, придут и отберут выручку. Причем, если придут жадные идиоты, то избыют и отберут всё. Если придут умные

люди, отберут половину и будут приходить ежемесячно, еще и встречные социалистические обязательства заставят принять. А если придут люди в форме? Конфискация, химия или условка, а перед этим еще и побить могут.

Вывод – барыжить надо по мелочи, чтоб бандитам было стыдно даже подойти ко мне. Есть же реальный бизнес в стране, представителей которого никто не трогает – сдача стеклотары. Чем не вариант? Одна беда – как за пивную бутылку начали давать двадцать копеек, их как будто вымело из кустов, объекты малого бизнеса. Психологический порог в головах оказался преодолен – бутылку за двенадцать копеек народ закидывал в кусты, а за двадцать понёс сдавать. Может что-то своими руками делать и продавать? Картины маслом? А я умею? Ладно, на гитаре в подземном переходе можно бренчать. Стоп, в Новоузловске нет ни одного подземного перехода, в областном центре есть один, но он напротив УВД – так себе вариант. А если на железнодорожном мосту играть, то народ посмеется и решит, что кино снимают. А то и дурку вызовут, когда кинокамеру не увидят.

А еще у меня чешутся руки. Почти физическое ощущение, что руками хочется что-то сделать. У кого-то чешутся кулаки, драки просят, а мои соскучились по мелкой моторике, ремеслу. Даже не знаю, чем им помочь – в общежитии нет ничего, на что можно использовать душевный запал. Ни фронта работ, ни инструмента. Только череп осуждающе скалится с полочки. Откуда череп и из чего сделан? Так из

родной общаги, в смысле из прошлой, студенческой. Прибился к нам за долгие годы учёбы, скорее всего был подарен по пьянке кем-то из гостей. Кстати, не сувенир и не копия, настоящий, с отпиленной черепной коробкой, откидывающейся на проволочной петельке. Наверняка стащен из препаратной медицинского института, чтобы добить лабораторную работу, а потом был забыт и исчез из комнаты несчастной студентки в процессе возлияний. Штука статусная, но не каждый такое соседство выдерживает. Всё это как-то постепенно вспомнилось, когда разбирал сумку, а поначалу прямо шоком было для «юного» некрепкого мозга. Не каждый день находишь у себя человеческие кости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.